
ЕЛЕНА ОСТРОВСКАЯ
ИЗБРАННАЯ
ДЛЯ ЗВЁЗДНОГО
ВЛАДЫКИ

Елена Островская

Избранная для звездного Владыки

«Литнет»
2026

Островская Е.

Избранная для звездного Владыки / Е. Островская — «Литнет», 2026

Меня зовут Алиса.Мой муж сломал меня, почти убил, а потом выставил на галактический аукцион за триста кредитов. Я почти ушла с молотка.Но тут появился ОН. Владыка Даркэн. Он не верит в любовь и не знает пощады. Но почему-то заплатил за меня десять тысяч. Он смотрел без жалости. Только холодное, голодное любопытство. А когда коснулся — мир взорвался. Теперь мы задыхаемся друг без друга. Теперь я — его наваждение.Он думал, что купил рабыню. Как же он ошибался.История входит в литмоб "Вынужденно вместе":

© Островская Е., 2026
© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1: Товар без цены 5
Глава 2. Господин не любит, когда трогают его вещи. 8
Визуал и обращение к читателям ❤# 11
Глава 3. И мир переворачивается. 14
Глава 4. Его воспоминания. 16
Глава 5. Дыши, я тебе сказал! 19
Глава 6. Я тебя купил и теперь ты моя. 22
Глава 7. Новый друг. 25
Глава 8. Я рабыня? 28
Глава 9. Ты хочешь снова работать врачом? 31
Глава 10. Раздевайся... Алиса. 34
Глава 11. Я всё равно сорву эту маску. 37
Глава 12. Я хочу изучить Созвучие. 41
Глава 13. Ты хочешь, чтобы я медитировал? 46
Глава 14. Я чувствую тебя. 49
Глава 15. Это Астракор Прайм. 52
Глава 16. Я боюсь, что ты окажешься лучше, чем я думаю! 57
Глава 17. Владыка будет доволен. 62
Глава 18. Это не подарок, это обещание. 67
Глава 19. Идиллия под угрозой 70
Глава 20. Тень войны 73
Глава 21. Привет, дорогая бывшая женушка! 76
Глава 22. Ярость Владыки 79
Глава 23. В логове зверя. 82
Глава 24. Ты в моей власти, Алиса! 84
Глава 25. Владыка Даркэн 86
Глава 26. Цена силы 89
Глава 27. Цена силы 92
Конец ознакомительного фрагмента. 93

Глава 1: Товар без цены

— Лот номер триста сорок семь, — голос аукциониста разносится над залом, усиленный дешевыми динамиками, которые слегка фонят. — Женщина, планета Земля, возраст двадцать шесть стандартных циклов. Репродуктивная система повреждена — не способна к деторождению. Образование — высшее медицинское. Особые приметы: не имеет семейных связей, отсутствуют социальные гарантии. Начальная цена — триста кредитов.

Триста кредитов.

Я чувствую, как в груди что-то сжимается. Не боль. Нет, боль я уже перестала чувствовать. Это что-то другое. Больше похоже на стыд или унижение. Или это просто понимание того, что моя жизнь стоит дешевле синтетической куртки в магазине на верхних уровнях Нового Вавилона.

Новый Вавилон воняет. Кажется, я запомню этот запах навсегда. Жареное масло, дешевый синтетический табак, пот и что-то кислое — то ли перебродившее топливо, то ли само отчаяние пропитало эти стены насквозь.

Мои босые ноги леденеют от холода, поднимающегося от подиума из полированного черного металла.

На мне только набедренная повязка из полупрозрачной ткани, цвет которой переливается от синего к фиолетовому в такт дыханию голографических прожекторов. Тонкая цепочка на талии мелко позвякивает, когда я дрожу.

Символ.

Товарный знак.

Клеймо, которое говорит всем: «Это вещь. Это можно купить».

Мои волосы рассыпаны по плечам. Пепельная блондинка среди грязи и серости. Слишком яркая для этого места. Слишком заметная. Я ненавижу их сейчас. Я ненавижу каждую светлую прядь, потому что они привлекают взгляды. А каждый взгляд — это нож, который царапает мою кожу, сдирая последние остатки достоинства.

Кожа бледная, почти прозрачная в этом мертвенном свете. Мурашки покрывают ее сплошным узором. Я худая. Слишком худая. Кости выпирают там, где раньше были мягкие округлости — на ключицах, на запястьях, на бедрах. Я вижу себя со стороны и понимаю, что не вызываю вожделения. Только брезгливость или жалость. Жалость хуже.

Полгода брака с Маркусом сделали свое дело.

Полгода ада.

Воспоминания обжигают изнутри, и я вздрагиваю. Не от холода.

А от его рук, от его голоса, от того, как он улыбался, когда подписывал документы о моей продаже.

Кто-то в первом ряду хмыкает. Жирный торговец с плавающей станции — я узнаю нашивки на его мундире. Он разглядывает меня с брезгливым любопытством, как рассматривают больное животное, которое жалко, но и держать нет смысла.

— Двести, — лениво бросает он и облизывается, глядя на мою обнаженную грудь.

— Предложено двести, — аукционист делает вид, что не заметил, как цена упала на сотню.

Мои пальцы сжимаются в кулаки. Длинные, тонкие пальцы, которые когда-то знали, как зашивать раны, как держать скальпель, как гладить живот, в котором росла новая жизнь.

- Твоя работа это оскорбление для меня, — сказал Маркус в первый месяц нашей совместной жизни.

Потом он запретил мне выходить из дома без его разрешения. Потом ударил в первый раз.

А потом была та самая ночь, когда я умерла. Точнее, умерла моя душа. Была лестница и кровь на ступенях. Белые простыни, которые в одно мгновение стали красными. И голос врача — такой безразличный, такой обыденный:

«Мне жаль, миссис Вандер. Больше вы не сможете иметь детей».

— Сто, — говорит кто-то с галерки, даже не поднимая головы.

Сто кредитов.

Я не плачу.

Я разучилась плакать на пятый месяц после того, как Маркус принес домой контракт на развод и подписал его моей собственной рукой, сжимая мои пальцы в своем кулаке.

Я просто смотрю прямо перед собой — на противоположную стену зала, где в грязном аквариуме умирают какие-то цветы.

Их когда-то было много. Маркус приносил их в начале, когда ухаживал. Красные розы. Белые лилии. Он говорил, что они такие же красивые, как я. А потом цветы начали вянуть так же быстро, как и его нежность.

— Восемьдесят, — бросает кто-то с левой стороны.

Аукционист вздыхает.

Лот идет плохо.

Бесплодная землянка с израненной душой — не тот товар, за которым охотятся богатые коллекционеры с окраины галактики.

Я чувствую на себе мужские взгляды, оценивающие, скользящие по моему телу, задерживающиеся на груди, на бедрах, на линии шеи. Каждый такой взгляд оставляет на коже след, будто грязное прикосновение. Я хочу исчезнуть. Раствориться. Стать воздухом. Пылью.

Но не могу.

Где-то глубоко внутри, там, куда Маркус не смог добраться, тлеет маленький уголек. Он не дает мне сломаться окончательно. Он шепчет:

«Ты сильнее. Ты пережила худшее. Ты выдержишь и это».

Тоненький, глупый голосок. Я почти не слушаю его.

— Пятьдесят, — говорит кто-то.

Аукционист уже открывает рот, чтобы назвать эту цену последней, когда дверь в дальнем конце зала открывается.

Никто не замечает этого сразу — слишком темно в проходе.

Но я что-то чувствую.

Электричество в воздухе нарастает. Как будто перед грозой, когда атмосферное давление падает и воздух становится тяжелым, вязким, как вода.

Волоски на моих руках встают дыбом. Где-то на подсознательном уровне я понимаю: что-то меняется. Что-то большое. Что-то неизбежное.

Двое мужчин входят в зал. Один — в строгом сером костюме, безликий, как все помощники богатых людей. Но второй... второй заставляет самого жирного торговца из первого ряда нервно сглотнуть и поправить воротник.

Этот мужчина не похож на обычных покупателей Нового Вавилона.

Слишком прямой.

Слишком уверенный.

Он одет в черный костюм из материала, который я никогда не видела: он поглощает свет, делая его фигуру почти двухмерной, словно вырезанной из самой ночи. Лицо скрывает легкая тень от капюшона, но я успеваю разглядеть жесткую линию челюсти и блеск глаз — холодный, оценивающий, хищный.

Он садится в последнем ряду. Его спутник остается стоять у стены, скрестив руки на груди.

Аукционист заминается на секунду, потом продолжает, но его голос предательски дрожит.

— Лот номер триста сорок семь. Женщина. Планета Земля. Двадцать шесть лет. Бесплодна. Начальная цена — триста кредитов. Текущая ставка — пятьдесят.

Тишина.

Я чувствую его взгляд спиной. Тяжелый, пронзительный, почти осязаемый. Он скользит по моему затылку, по позвоночнику, по лопаткам, и мне кажется, что по моей обнаженной коже провели лезвием. Не больно. Остро. Так остро, что я перестаю дышать на секунду.

— Пятьдесят раз, два, — начинает аукционист.

— Пять тысяч, — говорит мужчина в черном.

Голос низкий, бархатистый и абсолютно равнодушный. В нем нет ни капли эмоций. Но почему-то от этого голоса у меня внутри все переворачивается.

Зал замирает.

— Прошу прощения, господин? — переспрашивает аукционист, и его глаз дергается. — Я, кажется, не расслышал. Можете повторить!

— Пять тысяч стандартных кредитов, — повторяет мужчина. — За лот номер триста сорок семь.

Глава 2. Господин не любит, когда трогают его вещи.

Я оборачиваюсь.

Я знаю, что не должна. Товар не смотрит на покупателей — это считается дурным тоном, и за это бьют. Но я не могу удержаться. Что-то сильнее меня заставляет повернуть голову и посмотреть на того, кто только что заплатил за меня сумму, в сотню раз превышающую мою цену.

Он смотрит на меня.

Не на мою грудь. Не на бедра. Не на цепочку на талии. Глаза в глаза.

В них нет жалости. Нет похоти. Есть любопытство. Холодное, расчетливое любопытство коллекционера, который нашел странную вещь на барахолке и не может понять, почему она привлекла его внимание.

Я должна испугаться. Но вместо страха по телу разливается странное тепло.

Мое сердце пропускает удар.

А потом делает еще один. И еще. Слишком быстро. Слишком громко. Я слышу пульс в ушах, и мне кажется, что он тоже слышит.

— Продано, — ладонь аукциониста громко хлопает по голографическому пульту. — Господину... — он запинается, ожидая имени.

— Неважно, — отрезает мужчина.

Он встает, и я с удивлением замечаю, насколько он высок. Выше всех в этом зале. Выше даже того жирного торговца, который теперь сжался в кресле, стараясь стать незаметным.

— Подождите, — вдруг говорит толстяк, поднимаясь. В его голосе слышна дрожь, но он пытается казаться уверенным. — Я передумал. Я даю шесть тысяч.

Аукционист беспомощно смотрит на мужчину в черном.

Тот даже не поворачивает головы.

— Семь, — говорит он всё тем же равнодушным тоном, словно речь не о кредитах, а о пустяках.

— Восемь, — толстяк уже вспотел. Его лысина блестит в свете прожекторов. — Она бесплодна, господин! Капризная, с характером. Я лично проверял досье. Она не стоит таких денег.

Мужчина в черном медленно поворачивается. И в этот момент весь зал чувствует холод, исходящий от его фигуры.

— Я не привык, чтобы мне указывали, что стоит моих денег, — произносит он тихо. Но в этой тишине настоящая угроза. Такая плотная, что воздух становится вязким. — Десять тысяч. И если ты откроешь рот еще раз, я куплю и тебя. В качестве украшения для моей столовой. Говорят, из жирных торговцев получаются отличные торшеры.

Толстяк бледнеет, опускается в кресло и больше не произносит ни звука.

— Десять тысяч, — повторяет аукционист дрожащим голосом. — Продано.

Мужчина в черном больше не смотрит в мою сторону. Он разворачивается и выходит так же бесшумно, как и вошел.

Его спутник задерживается на секунду. Бросает на меня быстрый сочувственный взгляд и следует за хозяином.

Но перед выходом он наклоняется к одному из охранников аукциона и что-то тихо говорит. Тот кивает.

Меня уводят.

Я не сопротивляюсь. Никогда не сопротивляюсь. Маркус научил меня, что сопротивление бесполезно, что оно только продлевает боль.

— Идем, — охранник грубо хватает меня за локоть. Почти с ненавистью. — У тебя богатый хозяин, шлюха. Может, составишь мне компанию по-быстрому, а?

— Осторожнее, — голос спутника мужчины в черном раздается откуда-то сбоку. Я не заметила, как он вернулся. — Господин не любит, когда трогают его вещи.

Охранник мгновенно отпускает меня, будто обжегся.

— Прошу прощения, господин... я не знал...

— Веди тихо и без рук, — спутник поворачивается ко мне. — Вас проводят в отведенную комнату. Через час корабль.

Я не отвечаю.

Что я могу сказать?

Охранник ведет меня по коридорам рабского рынка. Теперь он держится на расстоянии, касается только воздуха рядом с моим локтем. Боится. Это странное чувство — быть под защитой человека, который даже не знает моего имени. Я иду, и в моей голове крутится только одна мысль, горькая и глупая: «Десять тысяч кредитов. Я стою десять тысяч кредитов. Для кого-то. Но почему?»

Мы проходим мимо открытой клетки, где сидят другие женщины. Две из них, с заплаканными лицами, провожают меня взглядами. В одной из них я узнаю ту, что стояла рядом со мной утром. Молодая, почти девочка. Ее продавали в бордель, и она тряслась так, что зубы стучали.

— Тебе повезло, — шепчет она. — Этот господин заплатил больше всех сегодня. Слышала, его называют Владыка. С дальней планеты Эстурион. Может, хотя бы ты станешь счастливой.

Владыка.

Я ничего не знаю о Владыках. Только то, что это те, кто правит целыми системами. Те, кто может купить десять тысяч таких, как я, и не заметить потери.

И еще одно.

То, от чего по спине бегут мурашки, не имеющие ничего общего с холодом.

Его взгляд.

Когда он смотрел на меня, я на секунду перестала чувствовать боль. Только на секунду. Но этого хватило, чтобы вспомнить, каково это — быть живой.

Меня приводят в комнату. Не камеру, не клетку, а настоящую чистую комнату с нормальной кроватью, с душем. На кровати лежит одежда — простая, но из хорошей ткани: длинная рубашка и мягкие штаны.

— Одевайся, — говорит сопровождающий, молодой мужчина с усталыми глазами. — Господин будет ждать вас на корабле.

— Кто он такой? — мой голос звучит хрипло. Я не разговаривала несколько дней, наверное. Не помню. — Как его зовут?

Мужчина колеблется.

— Его называют Владыка Даркэн, — тихо говорит он, оглядываясь на дверь. — Но вы не слышали этого от меня. Он не любит, когда разглашают его имя без спроса.

— Даркэн, — повторяю я, пробуя слово на вкус.

И в этот момент, совершенно отчетливо, я чувствую, как где-то далеко — или близко? — чьи-то мысли обрушиваются на меня, как удар молнии.

В ушах звенит.

И снова — его голос, хотя он не может быть рядом:

«Ты произнесла мое имя...»

Я вздрагиваю. Хватаюсь за край кровати, потому что ноги подкашиваются.

— Тебе плохо, землянка? — парень бросается ко мне, но я отмахиваюсь.

— Выйдите. Пожалуйста.

Он уходит, бросив на меня тревожный взгляд.

Я остаюсь одна и несколько минут пытаюсь прийти в себя. Переодеваюсь дрожащими руками. Ткань мягкая, дорогая. Пахнет чем-то травяным, успокаивающим. Но у меня внутри все дрожит.

«Ты произнесла мое имя...»

Я же не произносила его вслух. Точно не произносила. Я только подумала.

Или... сказала?

Неважно. Что-то не так с этим Владыкой Даркэном. Что-то не так со мной. И с тем, что происходит между нами, даже на расстоянии.

Я закрываю глаза и снова вижу его темные глаза..

И на секунду мне кажется, что я слышу его дыхание. Ровное, глубокое, совсем рядом.

— Что ты со мной делаешь? — шепчу я в пустоту. – И кто ты такой, Владыка?

Визуал и обращение к читателям

Друзья мои, добро пожаловать в мою
новую фантастическую историю любви!
Итак,
Мы отправляемся с вами на чужеродную планету Астракор Прайм.
Начнется все в Новом Вавилоне, а вот где все закончится – узнаем. Одно знаю точно, там будет горячо и страстно.
А еще невероятно напряженно и эмоционально.
Все как мы любим.
Так что, пристегиваем ремни. На старт, внимание, полетели!
А сейчас, я бы хотела познакомить вас с нашими новыми героями.

Алиса Рено (она же Элириана Соларион) — 26 лет, бывший врач-хирург на орбитальной станции. Полгода брака с Маркусом превратили ее из сильной, уверенной в себе женщины в сломленную тень, которая потеряла ребенка и способность к деторождению.

Владыка Даркэн Астракор — 42 года (по земным меркам, хотя реально живет около двухсот), абсолютный правитель звездной империи Астракор, воин и полководец. Не верит в любовь и Созвучие.

Если вам нравится визуализация героев, напишите об этом в комментариях.
Мне будет приятно.
А еще ваши лайки, добавления в библиотеку и подписка на автора сделает его по-настоящему счастливым.

А дальше подарочки, листаем >>>>>>

Глава 3. И мир переворачивается.

— Что ты со мной делаешь? — шепчу я в пустоту. — И кто ты такой, Владыка?

Ответ приходит не как звук.

Не как голос, который можно услышать ушами.

Он возникает прямо в моей голове — тяжелый, горячий, чужой. Словно кто-то взял мои мысли и вплавил в них свою волю. Словно сам воздух вокруг меня сгустился в слова.

В одно мгновение все лампы потускнели и в коридоре сгустилась темнота.

«Я — тот, кто теперь владеет тобой. Каждым твоим вдохом. Каждым ударом сердца. Каждой мыслью, которую ты только собираешься подумать».

Я хочу закричать.

Хочу вытолкнуть его из своей головы. Но не могу. Его голос — низкий, бархатистый — звучит внутри, и я чувствую, как он просачивается в самые потаенные уголки моего сознания.

«Ты спрашиваешь, что я делаю. Я даю тебе реальность. Твоя настоящая жизнь — это та, которую я выбираю для тебя. Твои воспоминания? Я могу стереть их за секунду. Твои желания? Я могу создать новые. Твоя боль? Я могу заставить тебя забыть, что она вообще существовала».

Мои ноги подкашиваются.

Я прислоняюсь к стене, вжимаясь спиной в холодный металл, но он не спасает от жара, который разливается внутри.

«Я могу вшить в твой разум приказ, и ты выполнишь его, даже не осознавая, что он не твой. Я могу подарить тебе воспоминания о счастье, которого у тебя никогда не было. Я могу заставить тебя любить меня… или ненавидеть. Все, что я захочу».

— Прекрати, — шепчу я, но голос не слушается. — Пожалуйста...

Его присутствие в моей голове становится только сильнее.

«Нет! Я прекращу только когда я этого захочу. Ты простая человечка, землянка, моя рабыня и теперь ты подчиняешься только мне. Ты поняла меня?».

Я киваю и оседаю на пол, шумно дыша. Касаюсь пальцами пола, пытаясь выровнять пульс.

Вдох-выдох. Дыши, Алиса. Просто дыши.

Через несколько секунд, когда становится чуть легче дышать, я смотрю по сторонам и лампы на стенах вновь загораются синим светом.

Сеанс связи закончен.

Поднимаюсь на ноги. Они еще дрожат. Чувствую себя мухой, залетевшей в банку.

Только что у меня в голове звучал его голос. А теперь — тишина. Он отпустил меня. Но вот надолго ли?

— Идите за мной, — слышу голос сопровождающего, который вдруг появился откуда-то из-за спины. Тот самый помощник Владыки. Теперь он кажется еще более напряженным. Его пальцы нервно теребят край мундира. — Господин ждет в главной каюте.

— А если я откажусь? — спрашиваю я, хотя знаю ответ.

Он останавливается. Поворачивается ко мне, и в его взгляде мелькает что-то похожее на жалость.

— Тогда вы умрете, — говорит он просто. — Не от его руки. От... — он запинается, подбирая слова, — от воздуха или от его отсутствия. Я не знаю, как это объяснить. Просто не отказывайтесь. Пожалуйста.

От воздуха?

Теперь эта фраза звучит иначе. Я только что чувствовала его в своей голове. Что будет, если я откажусь идти к нему? Если он решит забрать свой «воздух»?

Я не хочу проверять.

— Я иду, — говорю тихо и помощник радостно кивает. А чтобы я быстрее шла, берет меня под локоть и мы ускоряемся.

Коридор расширяется, превращаясь в огромный зал. Я никогда не видела таких кораблей. Даже в те времена, когда я работала в госпитале на орбитальной станции, мне не доводилось ступать на борт военного судна. А тут сразу становится понятно – военный корабль. Я это чувствую по каждой детали: по угловатым формам стен, по приборам, вмонтированным в переборки, по воздуху, который пахнет озоном и смазкой для оружия.

Но главное — не это.

Главное – это то, что воздух становится тяжелее.

С каждым шагом. С каждым метром, который отделяет меня от главной каюты. Я дышу глубже, но кислорода словно становится меньше. Или это не кислород. Что-то другое давит на грудную клетку, сжимает легкие, заставляет сердце биться быстрее.

— Что со мной происходит? — шепчу я, но парень не отвечает. Он просто ведет меня вперед, и его спина напряжена.

Я знаю, что со мной происходит.

Это делает Владыка. Даже не касаясь меня. Даже не видя.

Мы останавливаемся перед дверью. Она высокая, почти во всю стену, из черного металла с золотыми вкраплениями, которые пульсируют в такт чему-то. Может быть, сердцу корабля. Может быть, его сердцу.

Парень поднимает руку, чтобы постучать, но дверь открывается сама.

— Входи, — голос изнутри.

Тот самый голос. Низкий, бархатистый, равнодушный. Но теперь я знаю, что под этой маской — не равнодушие. А нечто гораздо более опасное.

Я делаю шаг вперед.

И мир переворачивается.

Глава 4. Его воспоминания.

Каюта огромна. Я не ожидала такого.

Стены — панорамные экраны, на которых сейчас развернута карта звездного неба. Пол — полированный камень, черный, с красными прожилками, напоминающими вены. В центре стоит массивный стол, заваленный какими-то схемами и голографическими проекциями.

Но я смотрю не на это.

Я смотрю на него.

Владыка Даркэн стоит у панорамного окна, спиной ко мне. Он снял капюшон, и я вижу его волосы — черные, длинные, собранные в низкий хвост на затылке. Плечи широкие, почти неестественно широкие — плечи воина, привыкшего нести тяжесть целой империи.

Он все еще в том черном костюме, который поглощает свет, и в тусклом сиянии звезд его фигура кажется высеченной из обсидиана.

— Подойди, — не оборачиваясь, говорит он.

В его голосе нет просьбы. Это приказ. Властный, не терпящий возражений. Таким голосом боги бросают молнии в смертных. Таким голосом отдают приказы, за которыми следуют войны и гибель миров.

Я делаю шаг. Потом еще один. Мои ноги дрожат от сильного страха. Он сковывает меня, словно ледяной обруч. А еще я чувствую его присутствие даже на расстоянии.

И в этот момент он поворачивается.

Я вижу его лицо.

Резкие скулы. Тонкие губы, сжатые в прямую линию. Эти губы, никогда не просили. Только требовали. Только брали. Шрам, пересекающий левую бровь и спускающийся к виску — старый, почти белый. Нос с легкой горбинкой, придающий ему хищное, звериное выражение. И глаза, которые сейчас смотрят на меня, и в них нет равнодушия.

В них – огненная буря.

Золотистый ободок вокруг зрачка пульсирует, переливается, и мне кажется, что я вижу в глубине языки пламени. Там внутри огонь, который способен сжечь дотла, но почему-то пока только обжигает меня взглядом.

— Ты чувствуешь это? — спрашивает он, и его голос становится ниже. Настолько низким, что вибрирует в моей груди, отзываясь где-то глубоко внутри. Там, где я думала, уже ничего не осталось.

— Что? — выдыхаю я, хотя знаю. Я чувствую Владыку. Его слишком много.

Я пытаюсь сделать вдох. Но у меня ничего не выходит.

Воздух. Он словно исчезает. Нет! Он становится другим. Слишком плотным и тяжелым. Я вдыхаю, но легкие не наполняются. Я пытаюсь выдохнуть, но мышцы не слушаются. Он высасывает кислород из пространства между нами, и я задыхаюсь — но это не боль. Это странное, пугающее блаженство.

— Что ты делаешь со мной? — мой голос срывается на беспомощный шепот. Я вдруг чувствую, насколько я хрупкая рядом с ним. Насколько легко он может раздавить меня. Но не делает этого.

Он делает шаг ко мне.

Каждый шаг — как удар грома. Пол под его ногами вибрирует. Или это мое сердце бьется так громко, что сотрясает пол?

Теперь он так близко, что я чувствую жар, исходящий от его тела. Он горит изнутри. Я чувствую это каждой клеточкой своей бледной, израненной кожи. Он пахнет дымом, металлом и чем-то первобытным, что заставляет мои колени подкашиваться.

— Я ничего не делаю, — говорит он, и его голос обволакивает меня, как плащ. Темный. Тяжелый. — Ты делаешь это сама.

Он медленно поднимает руку.

Я не отшатываюсь. Не могу. Мои ноги приросли к полу, мое тело парализовано тем, что происходит в воздухе между нами. Я только зажмуриваюсь на секунду, как ребенок, который боится удара.

Его пальцы касаются моей шеи.

Нежно.

Почти ласково.

Так не прикасаются к рабыням. Так прикасаются к чему-то бесконечно дорогому. Хрупкому. Единственному.

И мир взрывается.

Потому что вместе с прикосновением в мою голову врываются его воспоминания. Чужие, холодные, как космос.

Я вижу битвы, в которых он выжигал планеты. Вижу кровь на его руках — реки крови. Вижу женщин, которые прошли через его спальню и исчезли, не оставив и следа в его сердце.

«Смотри, — шепчет его голос в моем сознании. — Смотри, кто я. И знай: ты не первая. Ты не особенная. Ты — просто очередная».

Он хочет, чтобы я испугалась.

Он хочет, чтобы я сломалась.

Он показывает мне свои шрамы, как оружие. Смотри, говорит он, я — чудовище. Беги, пока можешь.

Но я смотрю глубже.

В те воспоминания, которые он пытается спрятать.

Я вижу его мальчишкой. Ему тринадцать. Стоит в пустом зале, сжимая в руках меч — слишком тяжелый для его тонких рук. Рядом никого. Никто не поправляет хватку. Никто не говорит: «Молодец».

Только холодные стены и собственное эхо шагов.

Спустя несколько лет, он уже юноша. Первая битва. Он убил врага и смотрит на свои ладони, перепачканные кровью. Рядом с ним смеются другие воины, хлопают по плечам. Но он не слышит их. Он смотрит на кровь и не понимает, почему не чувствует ничего. Почему его не тошнит. Почему ему все равно.

Он пробует найти тепло в женщинах.

Я вижу их. Одна. Другая. Третья.

Красивые, гибкие, пахнущие цветами и дорогими духами. Они шепчут ему слова любви. Берут его руки и кладут себе на грудь, на бедра. Он позволяет. Потому что думает: может быть, это сработает. Может быть, чужое сердце, бьющееся рядом, согреет его собственное.

Но утром они уходят. Или уходит ОН. И в комнате снова пахнет пустотой.

Он пробует по-другому.

Власть. Богатство. Завоевания. Он строит империю, потому что в тишине кабинетов голоса советников заглушают тот внутренний голос, который шепчет: “Ты один. Ты всегда будешь один!”

Одна ночь. Он стоит у окна своего дворца на Астракоре. Внизу — огни города. Миллионы жизней. И ни одной, которая принадлежала бы ему. Он смотрит на звезды и чувствует, как что-то сжимается в груди. Пустота.

Он не плачет. Он давно разучился плакать.

Он просто стоит и ждет.

Чего? Сам не знает.

Утра? Смерти? Чуда?

Ничего не происходит.

Он отворачивается от окна, и на его лице — каменная маска. Никто не узнает. Никогда.

А потом — женщина с золотым обручем на шее. Ее зовут… я не разбираю имя. Она красивая. Смеется, запрокинув голову. Он думает: может быть, это она? Может быть, с ней получится?

Она ложится в его постель. Он входит в нее. Ее тело отзывается, она стонет, выгибается. Но внутри него — тишина.

Утром она говорит: «Я люблю тебя, Владыка».

Он смотрит на нее и понимает — врет или не врет. Неважно. Он не чувствует разницы.

Через неделю она уходит. Говорит, что он холодный. Что в нем нет души. Что он — машина для убийств в красивой обертке.

Он не спорит.

Выгоняет ее сам, даже не попрощавшись.

Следующая. Потом еще одна.

Они приходят и уходят. Как времена года. Как корабли в порту.

Он перестает запоминать их лица.

А потом наступает ночь, когда он стоит у окна и смотрит на пустоту. В его груди так холодно, что он сам кажется себе мертвым. Он подносит руку к лицу и смотрит на пальцы. Они не дрожат. Он не пьян. Он просто… пустой.

Он думает: «Может, пора?»

Не знает, что именно. Закончить войну? Покорить еще одну систему? Или просто лечь и не вставать?

Никто не входит в комнату. Никто не стучится.

Он один. Как всегда.

Как всегда.

Как всегда.

Эта мысль повторяется в его голове снова и снова, и в ней — вся его жизнь. Бесконечный, бездонный колодец одиночества. Он утонул в нем столетия назад. Но никто не заметил. Даже он сам.

Потому что Владыки не тонут.

Владыки не чувствуют боли.

Владыки не плачут.

Он заставляет себя поверить в эту ложь.

И живет с ней. Жил…

До сегодняшнего дня.

До меня.

— Ты врешь, — шепчу я, глядя в его горящие глаза. Мои пальцы касаются его груди. Я чувствую, как бьется его сердце. Слишком быстро. Слишком громко. — Ты не чудовище. Ты просто… устал.

Он не отвечает.

Но его пальцы на моей шее медленно разжимаются.

Глава 5. Дыши, я тебе сказал!

— Ты врешь, — шепчу я, глядя в его горящие глаза. Мои пальцы — такие тонкие, такие слабые — касаются его груди. Невесомо. Почти несмело. — Я особенная. Иначе ты не впустил бы меня в свою голову.

Его пальцы сжимаются на моей шее. Сильнее, чем раньше, но не больно. Он контролирует себя. Даже сейчас, на грани, он контролирует себя.

Владыка. Всегда владыка.

Но в его глазах — отчаяние.

— Ты ничего не знаешь, — рычит он, и в этом рыке — вся его сила. Вся мощь того, кто привык подчинять себе миры. Он мог бы заставить меня замолчать. Мог бы стереть мои воспоминания. Мог бы превратить меня в послушную куклу.

Но не делает.

Почему?

— Тогда покажи, — отвечаю я, и мой голос — такой тихий, такой хрупкий — почему-то звучит громче его рыка. — Покажи мне все или отпусти.

Он смотрит на меня долгую секунду.

В его глазах мечется буря. Властный. Сильный. Могучий. Он держал в руках судьбы миллиардов. Он решал, каким планетам гореть, а каким — цвести. И сейчас он не может решить, что делать с одной маленькой, хрупкой, сломленной женщиной.

Потому что она — его воздух.

А потом я чувствую, как его ментальная хватка ослабевает. Как он отступает, оставляя меня одну в моей собственной голове. Он уступает… Впервые… Мне.

— Убирайся, — говорит он, отпуская меня и отступая к окну. Его голос срывается. В нем больше нет ледяного спокойствия. Только боль. Только что-то, похожее на мольбу. — Пока я не передумал.

Я стою. Не двигаюсь. Потому что не могу.

Мое сердце колотится где-то в горле. Мои руки дрожат.

— Нет, — шепчу я.

Он оборачивается. В его глазах — ярость.

— Что?

— Я сказала — нет, — повторяю я, делая маленький, робкий шаг к нему. Мои пальцы сжимаются в кулаки, чтобы не дрожали. — Ты не отпустишь меня. Не сможешь. Мы оба это знаем.

Он сжимает кулаки. Золото в его глазах разгорается, пожирая черноту. Сила выплескивается из него волнами, и воздух вокруг нас становится тяжелым, как расплавленный свинец.

— Ты не представляешь, кто я, — шипит он, предупреждение. Он мог бы уничтожить меня одной мыслью. Я знаю это. И все равно не боюсь.

— А ты не представляешь, через что я прошла, — отвечаю я, глядя на него без страха. В моих глазах слезы. Я не плакала полгода. Но сейчас они сами наворачиваются на ресницы. — Я не боюсь тебя, Владыка. Я боюсь только того, что ты заставишь меня снова поверить, что я могу быть счастлива. А потом отнимешь это.

Он молчит и смотрит на меня. Столько силы. Столько власти.

А я не могу… просто опустила глаза и смотрю в пол.

А потом он делает шаг ко мне. Медленно приближается и мне снова не хватает воздуха. Я задыхаюсь.

Он снова рядом. Такой большой и такой опасный. Его тень накрывает меня целиком, как ночное небо.

У меня перехватывает дыхание.

Он протягивает руку и касается моей кожи.

— Ты не боишься меня. Почему?

— Потому что я видела смерть и уже умирала однажды, — шепчу я. – Больше я ничего не боюсь.

Его пальцы нежно касаются моей щеки.

Так нежно, что я чувствую, как слеза скатывается по моей щеке и падает на его ладонь.

Владыка Даркэн, повелитель звезд, смотрит на мою слезу на своей руке.

И я вижу, как что-то в нем рушится.

Я не знаю, что это.

Боль? Наслаждение? И то, и другое одновременно. Его прикосновение — как разряд тока, который проходит сквозь кожу, мышцы, кости, добирается до самого сердца и сжимает его в кулаке.

Я слышу его вдох. Резкий, рваный. Он отдергивает от меня руку, но слишком поздно.

Что-то уже запущено. Что-то, что нельзя остановить.

— Созвучие, — выдыхает он. В его голосе впервые звучит не равнодушие, а страх. Настоящий, животный ужас. — Этого не может быть.

— Что? — я почти не слышу себя. Кровь шумит в ушах, сердце бьется где-то в горле, а легкие... я не могу дышать. Я не могу дышать!

Я падаю на колени и хватаю воздух, но его нет. Пустота, вакуум. Как рыба, выброшенная на берег, которая судорожно открывает рот, но не может вдохнуть ни глотка.

— Дыши, — он опускается рядом со мной, хватает меня за плечи, трясет. — Дыши, я тебе сказал!

— Не... могу... — выдавливаю я сквозь спазм в горле.

Его лицо искажается. Он тут же принимает решение. Я вижу это по его глазам — золото в них разгорается, пожирая черноту.

— Я должен это сделать, — говорит он и тут же сминает мои губы своими.

Его губы — жесткие, требовательные, почти жестокие. Я ощущаю вкус крови: он прокусил мою губу или, наоборот, я его? Неважно. Ведь вместе с поцелуем врывается воздух.

Он дышит в меня. Буквально. Воздух из его легких перетекает в мои, горячий, насыщенный, пахнущий им. Мои легкие раскрываются, наполняются, и я слышу собственный хриплый вдох.

— Еще, — шепчу я в его губы.

Он снова впускает в меня воздух. На этот раз медленнее, глубже. Его язык скользит по моим губам, и это уже не просто спасение. Это что-то другое.

Я ощущаю его тело. Плотное, горячее, оно тесно прижато ко мне. Его руки крепко держат мои плечи, но не причиняют боли. Кажется, он боится, что я исчезну, растворюсь в воздухе.

— Не останавливайся, — слышу я собственный голос и не узнаю его.

В нем есть то, чего не было годами. Желание.

Он отрывается от моих губ, смотрит в глаза. Золото полностью поглотило черноту. Его зрачки расширены, дыхание сбито.

— Если я не остановлюсь сейчас, — говорит он хрипло, — я не остановлюсь вообще.

— А кто просит тебя останавливаться? — отвечаю я, и это не я.

Это та, другая Алиса, которая умерла в ту ночь на лестнице. Та, которая умела хотеть. Та, которая умела жить.

Он смотрит на меня секунду, может больше, кажется, я потеряла счет времени.

А потом резко срывает с меня рубашку.

Хорошие мои, у меня для вас огненная новинка нашего Литмоба!

Полукровка для высокомерного элитара
https://litnet.com/shrt/7nWv

Я – обычная полукровка с едва заметным даром шарахать током.

Меня отправляют в элитную Академию, где учатся лучшие представители расы, но с первого дня все летит в бездну.

Потому что я сталкиваюсь с ним.

С наследником влиятельной семьи. Холодным, высокомерным и чертовски красивым чистокровным нарийцем, который смотрит на меня с ненавистью, но уже не может держаться подальше.

Кто бы знал, что от простой полукровки у чистокровного откажут все тормоза. И что мы окажемся двумя половинами одного экспериментального кода, который в любую минуту может превратить нас в послушных наемников системы.

Глава 6. Я тебя купил и теперь ты моя.

Ткань трещит по швам.

Пуговицы разлетаются в разные стороны, стуча по каменному полу. Я не успеваю испугаться. Не успеваю закрыться. Потому что в следующую секунду его руки уже на моем теле, и это не то, чего я боялась.

Это не грубость Маркуса. Не боль и не унижение.

Это жар.

Такое сильное, всепоглощающее пламя, что я забываю, как меня зовут.

Он проводит ладонями по моим ребрам, по животу, по бедрам. Его пальцы грубые, с мозолями от меча, и каждый сантиметр моей кожи горит под ними. Он сжимает мою грудь — резко, жадно, и я выгибаюсь, потому что соски твердеют от одного его прикосновения.

Он наклоняется и берет один в рот, проводит языком, покусывает, и я вскрикиваю — громко, не стесняясь.

— Тиииише, — рычит он, но в его голосе нет требования. Есть наслаждение. Он делает больнее и я стону громче.

Его рука скользит ниже, между моих ног. Я уже мокрая. От его прикосновений, я теку. От одного его запаха, от тяжести его тела надо мной, от того, как его пальцы раздвигают мои скользкие складки и находят набухший и пульсирующий клитор.

— Ты вся течешь, — говорит он медленно и довольно. — Только коснулся тебя и ты поплыла.

— Не останавливайся, — шепчу я, и сама не узнаю свой голос.

Он и не думает. Это не в его правилах останавливаться. Его пальцы дразнят вход, кружат вокруг, но не проникают внутрь. Я сжимаю бедра, пытаясь прижать к себе его руку, но он раздвигает мои ноги шире, удерживает коленом.

— Не торопись, — хрипит он. — Я хочу смотреть, как ты мучаешься.

Он входит в меня двумя пальцами. Резко, глубоко.

Я вскрикиваю от неожиданности, от того, как он заполняет меня даже пальцами. Он двигает ими, растягивает, находит ту точку внутри, от которой у меня темнеет в глазах.

— О да, — стонет он, глядя на мое лицо. — Вот здесь, да? Я угадал?

Он давит на нее, и меня накрывает первой волной. Сносит и бросает об берег, разбивая на осколки.

Но он не дает мне кончить — убирает пальцы, и я остаюсь дрожать, пустая, жадная, сведенная судорогой несбывшегося удовольствия.

— Не смей, — шепчу я. — Не смей так больше делать! Слышишь!

— Я делаю что хочу, — отвечает он и показывает свои зубы, как будто ощеривается. — Ты моя. Запомни это. Я тебя купил и теперь ты моя.

Он резко переворачивает меня на живот. Я слышу, как он расстегивает штаны. Потом его тело ложится на меня сверху — тяжелое, горячее. Его колено раздвигает мои бедра, широко, грубо. Я чувствую, как его член скользит по моим влажным губам, дразнит, задевает клитор, и я вжимаюсь в него сзади, требуя большего.

— Хочешь? — шепчет он, прикусывая мочку уха. Его горячий, испещренный венами пенис трется об меня, и от этого движения внутри меня все пульсирует так сильно, что я слышу этот ритм.

— Да, – шепчу я, не особо понимая, что происходит.

— Скажи громче.

— Хочу, — выдыхаю я. — Хочу тебя внутри. Сейчас.

И он входит.

Медленно. По сантиметру. Я чувствую, как он растягивает меня, как мои стенки сжимаются вокруг него, не желая отпускать. Он стонет, уткнувшись лицом мне в шею, и я чувствую его дыхание — горячее, рваное.

— Какая же ты узкая, — выдыхает он. — Как в первый раз.

— Двигайся, — шепчу я. — Пожалуйста.

Он начинает двигаться. Сначала медленно, глубокими толчками, выходя почти полностью и снова погружаясь. Я чувствую каждую его пульсацию. Каждый миллиметр. Он заполняет меня так полно, что мне кажется, он внутри везде.

Потом быстрее. Жестче. Он вбивается в меня с такой силой, что мое тело съезжает по каменному полу, и он придерживает меня за бедра, вжимает обратно.

— Ты моя, — рычит он. — Только моя.

Он хватает меня за волосы, тянет вверх, заставляя выгнуть спину. Теперь он входит под другим углом — еще глубже. Я кричу, потому что это слишком. Слишком много. Слишком хорошо.

Он отпускает волосы и обхватывает меня за горло. Не сжимает — просто держит. Чувствует мой пульс под пальцами.

— Ты чувствуешь, как бьется твое сердце? — шепчет он. — Оно бьется для меня.

Я не отвечаю. Не могу. Только хриплю и подмахиваю ему в такт, принимая каждое его движение, моля о том, чтобы он не останавливался.

Он входит еще глубже. Я чувствую, как его член упирается в шейку матки, и от этого по телу разливается тягучее, сладкое тепло.

Он кончает первым.

Я чувствую, как горячая струя бьет глубоко внутри, заливает меня, и это толкает меня за грань. Мой оргазм накатывает — долгий, судорожный, выбивающий слезы из глаз. Мое тело сжимается вокруг него, выжимая все до капли, и он стонет, вжимаясь в меня до упора, не давая уйти ни на миллиметр.

Мы замираем.

Тяжело дышим.

Я лежу под ним, распластанная, разбитая, наполненная. Из меня вытекает его горячая, вязкая сперма, она стекает по бедрам, и я чувствую эту влагу.

Он отстраняется первым. Встает. Я слышу, как он застегивает штаны.

— Бери, — он бросает мне свою рубашку и она приземляется мне на лицо. — Прикройся.

Я сажусь на полу. Мое тело ноет от его жесткости. Между ног саднит и пульсирует. Я чувствую, как густая, горячая струя его семени вытекает из меня, стекает по внутренней стороне бедра, и мне становится стыдно.

— Отведи ее в комнату, — говорит он своему слуге, который, оказывается, все это время ждал за дверью. — И пришли служанку. С одеждой.

— Слушаюсь, господин, — голос слуги спокоен.

Я поднимаюсь. Ноги трясутся.

— Ты как, госпожа? — тихо спрашивает тот самый мужчина, который привел меня на корабль. Он протягивает мне руку, но я отстраняюсь.

Иду сама. Медленно, переставляя дрожащие ноги. Каждый шаг отдается пульсацией между ног.

— Алиса, — окликает он, когда я уже у двери.

Я останавливаюсь и поднимаю на него глаза.

— Ты спишь в моей каюте. Каждую ночь. Это не обсуждается.

Я молчу и ничего не говорю, потому что больно.

Он стоит у окна. Спина прямая. Глаза — черные. Золото погасло. На лице — ни тени эмоций. Он снова стал Владыкой звездной империи Астракор.

— Ты поняла меня? — его голос ледяной.

— Поняла, Владыка, — отвечаю я так же холодно и отворачиваюсь. Похоже, то, что между нами произошло, действительно ничего не значило. Для него. Но для меня... для меня это было первым разом, когда я захотела сама. И он не сможет этого отнять, даже если прикажет.

Хорошики мои космические, новинка нашего Литмоба!
Встречайте.
Землянка для легата
https://litnet.com/shrt/sNIY

Он – легат Аррон Алгард. Высокомерный, холодный, опасный. Он считает людей животными, которые уничтожили свою планету.

Я – Роза Фостер, земной медик, по воле случая оказавшаяся на борту.

Наш корабль совершает вынужденную посадку на ледяной планете. Когда пираты врываются в медицинский отсек, именно Алгард рискует своей жизнью, чтобы спасти мою. Но зачем рисковать ради той, кого он считает никем?

Глава 7. Новый друг.

Каэл ведет меня по коридору. Молча. Не оборачиваясь. Я благодарна ему за это. Сейчас, я в таком состоянии, что не выдержала бы чужого взгляда. Не сейчас.

Ноги все еще дрожат. Между ног пульсирует, и каждые несколько шагов я чувствую, как остатки его семени вытекают из меня, пропитывая ткань его рубашки, которую я натянула на голое тело. Рубашка огромная, до середины бедра, и пахнет им — дымом, металлом и чем-то еще, от чего внутри снова разгорается тепло.

— Мы пришли, госпожа, — Каэл останавливается перед неприметной дверью в конце коридора. — Это ваша каюта на время полета. На Астракоре вас ждут другие покои.

Он нажимает на сенсор, дверь бесшумно скользит в сторону.

— Внутри есть душ, одежда, еда. Если что-то понадобится — нажмите эту кнопку, — он показывает на маленькую серебряную панель у входа. — Я буду рядом.

— Спасибо, — выдавливаю я. Голос хриплый, чужой. Незнакомый.

Он кивает, бросает быстрый взгляд на мои босые ступни и отворачивается.

— Отдыхайте, госпожа.

Дверь закрывается за мной и я остаюсь одна.

Прислоняюсь к стене и осматриваю каюту.

Она небольшая, но чистая. Кровать с серым покрывалом. Столик с едой — какие-то фрукты, хлеб, мясо. Дверь в душевую.

Мне нужно смыть его с себя. Срочно, немедленно избавится от этого удушающего запаха, который сводит с ума.

Я раздеваюсь дрожащими руками. Рубашка падает на пол — я смотрю на нее секунду, потом отбрасываю ногой в угол. Не хочу на нее смотреть. Не хочу чувствовать его запах на себе.

Вода в душе горячая — почти обжигающая.

Я намыливаюсь, тру кожу жесткой губкой, словно могу стереть память о его прикосновениях. Но каждый раз, когда закрываю глаза, я снова вижу его лицо, слышу его хриплый голос.

«Ты моя. Только моя».

Я закусываю губу до боли.

Потом выключаю воду, заворачиваюсь в мягкое полотенце и выхожу из душа. Подхожу к шкафу и достаю чистую одежду — простые серые штаны и свободную тунику, оставленные на полке. Надеваю одежду и высушив полотенцем волосы, иду к столику.

Ем без вкуса. Фрукты слишком сладкие, мясо слишком соленое. Я просто заставляю себя глотать, потому что тело требует сил.

А потом я слышу какой-то шорох.

Где-то в углу каюты.

Я замираю с куском хлеба в руке.

Сердце пропускает удар.

Я тут не одна.

— Выходи, — говорю я в пустоту. Голос дрожит. — Я знаю, что ты здесь.

Тишина.

А потом из-под кровати вылезает… нечто.

Сначала я не понимаю, что это.

Маленькое существо размером с крупную собаку — черное, лохматое с редкой, но длинной шерстью, которая струится, словно дым, даже когда оно не двигается. Шерсть не просто черная — она переливается, как масляная пленка на воде, синими и фиолетовыми оттенками в свете ламп.

Зверь поднимает голову, и я вижу три пары глаз.

Золотистых, как у Владыки в тот момент, когда они горели.

Зрачки у них вертикальные, кошачьи, и каждая пара моргает независимо от другой — то левая, то правая, то средняя. На мгновение мне становится не по себе, но потом я замечаю, как он смотрит: без угрозы, без агрессии. Только с настороженным любопытством.

Он делает шаг ко мне. Потом второй. Я чувствую, как от него исходит почти человеческое тепло. Он тычет мокрым холодным носом в мою ладонь. Нос влажный, как у собаки, но на ощупь кожа под ним жесткая, почти бронированная.

— Ты кто такой? — шепчу я.

Зверь фыркает.

Из его пасти вырывается облачко пара, и я чувствую запах — тот самый. Дым и металл. Запах Владыки.

И вдруг на меня накатывают воспоминания из моего прошлого.

Три года назад.

Огромный космопорт на Церере. Я тогда только начинала работать в межгалактической скорой помощи. У нас был перерыв между рейсами, и мы с коллегами пошли бродить по местному базару — там продавали все, от дешевой бижутерии до живых существ с далеких планет.

В одной из клеток я впервые увидела таких зверей. Это были Даркхаунды. Легендарные существа с планеты Умбра, которых веками разводили только в трех домах галактики — Астракор, Умбра и еще один, название которого я забыла.

Продавец, старый контрабандист с седыми патлами, тогда рассказывал нам, перекрикивая гул космопорта:

— Их разводят только для высшей знати. Верность… до смерти. Чуют хозяина за тысячи километров. Могут найти в любой точке галактики. А если хозяин умирает — они не едят, не пьют, просто ложатся рядом и ждут. Пока сами не умрут.

Я тогда спросила цену. Продавец рассмеялся и сказал, что годовой бюджет целой планеты не покроет и половины стоимости такого щенка. Даркхаунды — символ власти. Их дарят только самым верным или самым важным.

Я смотрела на зверя в клетке — он был крупнее этого, взрослый — и в его трех парах глаз было что-то такое, от чего у меня защемило сердце. Одиночество. Тоска. Он ждал хозяина, который, наверное, уже не вернется.

— Почему он не ест? — спросил мой коллега.

— Потому что его хозяин умер, — ответил продавец. — А эти твари не переживают своих хозяев. Через неделю подохнет. Поэтому, он не продается.

Тот даркхаунд смотрел на меня сквозь решетку, и я отвернулась первой.

Потому что в его глазах было что-то, что я не хотела видеть. Чистая, беззаветная преданность, которая не знает «почему» и «зачем».

Она просто есть.

Я открываю глаза и снова смотрю на зверя перед собой.

Маленький. Совсем еще щенок. У него еще мягкие лапы, слишком большие для его тела, и он неуклюже перебирает ими, когда подходит ближе. На груди — едва заметный золотистый узор, похожий на инициалы. Две буквы на древнем языке.

Владыка подарил ему имя, когда тот родился. Татуировка на шкуре — знак принадлежности к дому.

— Ты его, да? — спрашиваю я, и зверь виляет хвостом. Коротким, почти отсутствующим, но я замечаю, как он дергается — один раз, два.

Точно его.

Щенок — даркхаунд. А значит, у него только один хозяин. Но что он делает здесь? В каюте, которую отвели мне?

Он ложится на пол у моих ног, кладет тяжелую голову мне на колени. Вес неожиданно большой — кости у них плотные, тяжелые. Я не отодвигаюсь. Не боюсь. Почему-то этот странный зверь с тремя парами глаз вызывает во мне только одно чувство.

Тепло.

Я знаю, что даркхаунды не подходят к чужим. Они убивают чужих. Их используют как стражей — они разрывают врагов быстрее, чем любой солдат успеет выстрелить. А этот щенок лежит у моих ног и закрывает глаза.

Он смотрит на меня, и в его глазах я вижу отражение чего-то знакомого. Того же одиночества, которое я видела в воспоминаниях Даркэна. И еще — принятие. Он меня принял. Почему?

— Ты тоже один? — шепчу я.

Зверь вздыхает. Так тяжело, по-человечьи.

Я глажу его по черной, переливающейся шерсти. Она мягкая на концах, но жесткая у корней — защитный слой, как у древних земных волков, но в сотню раз прочнее. Под шерстью я чувствую бугристую кожу — ту самую броню, о которой говорил продавец.

Щенок закрывает все три пары глаз, прижимается ближе. Его тепло проникает сквозь ткань штанов, согревает меня изнутри.

— Ладно, — говорю я тихо. - Оставайся. Сегодня спим вместе. Но только сегодня.

Хорошики мои космические, еще одна новинка нашего Литмоба!

Его вынужденная пленница

https://litnet.com/shrt/hf3V

https://publiccdn.litnet.com/books/covers/0/1781255873_10.png

В двадцать девятом веке падение инопланетного корабля давно не считается сенсацией.

Поэтому, услышав новости об очередном крушении, я спокойно вернулась домой.

А уже через час обнаружила на собственной кухне вооружённого пришельца.

Раненый капитан неизвестной расы потребовал спасти ему жизнь и быстро дал понять, что отказа не примет.

Теперь я вынуждена скрывать опасного беглеца в своей квартире, лечить его смертельную рану и терпеть его отвратительный характер.

Он грубый, упрямый, бесцеремонный и считает, что весь мир должен плясать под его дудку.

А я почему-то всё чаще ловлю себя на мысли, что мне нравится с ним спорить.

Очень зря.

Потому что однажды этот мужчина исчезнет из моей жизни, а я останусь собирать по кускам собственное сердце.

Глава 8. Я рабыня?

Я просыпаюсь от того, что кто-то дышит мне в лицо.

Тепло. Влажно. А еще очень громко.

Открываю глаза и упираюсь взглядом в три пары золотистых глаз, которые смотрят на меня с нетерпением. Все его тяжелое, неуклюжее тело, буквально развалилось на моей груди. Щенок лежит и грузно дышит прямо мне в лицо. Вижу, что он ждет, когда я проснусь.

— Ты что творишь? — шепчу я хрипло.

Он виляет хвостом. Коротким, едва заметным, но я чувствую, как его зад дергается от радости. И лижет меня в щеку. Язык огромный, шершавый, как наждачная бумага.

— Фу! — отворачиваюсь, но он не отстает. Лепит еще один поцелуй — теперь в ухо. Потом в шею.

Я смеюсь. Скорее, хохочу не над ним, а над собой. А ещё над тем, что это первое утро за долгое время, когда я просыпаюсь не от кошмара. И надо же — рядом со мной не мужчина, не любовник, а лохматый щенок с тремя парами глаз, пахнущий дымом и металлом.

— Ладно-ладно, — отодвигаю его морду. — Я встаю.

Он спрыгивает с кровати тяжело, с глухим стуком и садится у двери. Смотрит на меня выжидающе. Явно хочет, чтобы я вышла из этой каюты.

— Куда ты собрался? — спрашиваю, натягивая чистую тунику и штаны.

Он не отвечает. Только скребет лапой по двери.

— Терпение, мой друг, — говорю я, заправляя волосы за уши. — Сначала надо привести себя в порядок.

В душе я смываю остатки сна. Смотрю на свое отражение в полированной металлической пластине над раковиной. Под глазами круги. Губы припухшие от его поцелуев. На шее — следы. Фиолетовые, почти черные. Он оставил их там, где хватал меня за горло. Не больно, но на память.

Я касаюсь пальцами одного из них и вздрагиваю.

Я все еще чувствую Владыку внутри себя. Его жар, его тело.

Отворачиваюсь от зеркала и выхожу из душа.

Щенок уже не сидит у двери. Он лежит на полу, положив голову на лапы, и смотрит на меня. Ждет.

— Терпеливый, — отмечаю я. — Не то что твой хозяин.

Щенок будто понимает. Опускает все три пары глаз, будто ему стыдно.

Хотя, может мне все это кажется.

Через секунду раздается стук в дверь.

Щенок мгновенно вскакивает. Шерсть на загривке встает дыбом, он прижимается к моим ногам и скалится. Три ряда острых зубов. Я впервые вижу их так близко.

— Свои, — говорю тихо, кладя руку ему на голову. — Тихо ты. Тихо.

Он не убирает зубы, но перестает рычать.

— Госпожа? — голос Каэла за дверью. — Вы проснулись?

— Да. Входите.

Дверь каюты открывается. Каэл заходит, бросает быстрый взгляд на щенка, и его бровь поднимается. Он смотрит на зверя, потом на меня.

— Уже познакомились, — констатирует он.

— Ты знал, что он здесь? — спрашиваю я.

— Владыка приказал поселить щенка к вам. Сказал, что вы не должны спать одна.

— Почему?

Каэл пожимает плечами.

— Приказы Владыки не обсуждаются.

Щенок уже не рычит. Он подходит к Каэлу, обнюхивает его ботинки и возвращается ко мне. Садится рядом. Охраняет.

— Что-то случилось? — спрашиваю я. - Зачем ты здесь?

— Владыка приказал показать вам корабль, — говорит Каэл. — Не весь. Только те этажи и каюты, которые разрешены.

— А что нельзя показывать?

Каэл усмехается. Впервые я вижу на его лице что-то похожее на эмоцию.

— Это военный корабль, госпожа. Здесь ничего нельзя обычным людям, что уж говорить про рабынь.

Я замираю от таких слов и мое сердце пропускает удар. Неприемлемо. Я на какое то время забыла, что я рабыня. Вот и поплатилась. Сжимаю кулаки и отворачиваюсь.

- Ну так вы идёте или передать Владыке, что вы отказались от прогулки по кораблю?

- Иду, - киваю и выхожу из каюты.

Щенок идет за мной следом. Каэл ведет нас по коридорам — я пытаюсь запомнить путь, но здесь все одинаково. Серые стены, синие лампы, металлические двери.

— Это рубка управления, — Каэл показывает на массивную дверь с красной маркировкой. — Сюда нельзя.

— Я и не собиралась.

— Это оружейная, — следующая дверь. Тоже красная. — Тоже нельзя.

— Поняла.

— Это комната связи. Тоже нет.

— А куда можно? — спрашиваю я.

Каэл ведет меня дальше. Мы поднимаемся на лифте на несколько уровней вверх, и коридор расширяется. Здесь уже не серые стены, а светлые. С голографическими панелями, на которых мерцают звезды. Чисто. Дорого.

— Это жилой сектор, — объясняет Каэл. — Ваша каюта была в гостевом. А это — личные покои Владыки и его приближенных.

— Понятно, — говорю я. — А куда именно мне можно?

Каэл останавливается.

— В обеденную зону. В библиотеку. В малый зал для тренировок. В сад на верхней палубе.

— Здесь есть сад? — удивляюсь я. - Настоящий?

— Он небольшой. Предназначен для отдыха.

Мы идем дальше. Щенок трусит рядом, иногда забегает вперед, обнюхивает углы и возвращается. Он явно знает, куда мы идем.

— Он часто здесь гуляет? — спрашиваю я, кивая на щенка.

— Он везде ходит за Владыкой, — отвечает Каэл. — Но сегодня Владыка приказал ему оставаться с вами.

Я не спрашиваю почему. Боюсь услышать ответ. Или наоборот — боюсь, что Каэл не ответит.

Мы заходим в столовую.

Огромное помещение. Посередине стоит длинный стол из черного дерева. Вокруг — стулья с высокими спинками. На стенах висят картины. Не голограммы, а настоящие, похожи на земные. Звездные пейзажи, портреты, какие-то битвы.

— Владыка присоединится к вам в обед, — говорит Каэл.

У меня замирает сердце.

— Ко мне?

— К вам, — подтверждает он. — Это не обсуждается.

Я пожимаю плечами и стараюсь не нервничать.

— А если я не хочу его видеть?

Каэл смотрит на меня спокойно, без тени улыбки.

— Тогда вы умрете, госпожа. Как я уже говорил. Созвучие не спрашивает.

— Он может обедать без меня. Мы же не умрем за час.

Каэл качает головой.

— Владыка сказал, что будет обедать с вами. Он не терпит возражений.

— Даже от собственной рабыни? — горько спрашиваю я.

— Вы не рабыня, госпожа, — тихо говорит Каэл. — Рабынь не селят в каютах. Рабынь не кормят за одним столом с Владыкой. Рабыням не дарят щенков даркхаунда.

—Вы сами назвали меня рабыней. Меня купили на аукционе, кто же я, если не рабыня?

Я смотрю на него.

Каэл молчит. Секунду. Две. Потом говорит:

— Я не знаю. Владыка сам решает. Но сегодня он решил обедать с вами. Советую не опаздывать.

Он разворачивается и уходит.

Щенок садится рядом со мной и смотрит на дверь, за которой скрылся Каэл. Потом переводит взгляд на меня.

— Ты что думаешь? — спрашиваю я.

Он наклоняет голову набок. Три пары глаз моргают в разнобой.

— Иди ты, — вздыхаю я. — Тоже мне, советчик.

Он кладет голову мне на колени.

Я глажу его по черной, переливающейся шерсти.

Внутри все дрожит.

Обед с Владыкой. Через несколько часов.

И я не знаю, что страшнее: то, что он снова будет рядом. Или то, что я этого хочу.

Хорошики мои, еще одна новиночка нашего Литмоба!
Дефектная землянка Высшего Дарха
https://litnet.com/shrt/-e7E

— Тестируем артефакт. Если наши мозги синхронизируются, и я возьму ее под контроль, — мой бывший жених кивает пирату на меня, — сможешь развлечься с ней. А пока придержи ширинку на замке.

Но когда я стою на коленях в центре нелегального аукциона, прикованная к древнему артефакту, моя нейросеть неожиданно замыкается совсем не на жениха. А на… ДАРХА?

Такая встреча означает смертельный приговор.

Или всё же нет? И именно этот монстр будет защищать меня в набирающей обороты галактической войне за право обладать мной?

Глава 9. Ты хочешь снова работать врачом?

Я стою перед дверью столовой уже пять минут.

Щенок сидит рядом, терпеливо ждет, изредка поглядывая на меня своими тремя парами глаз. Он не торопит. Просто смотрит. И в этом взгляде — странное спокойствие. Будто он знает что-то, чего не знаю я.

— Ты думаешь, мне стоит войти? — шепчу я.

Щенок наклоняет голову. Моргает правой парой глаз. Потом левой. Потом средней.

— Много от тебя толку, — вздыхаю я, набираю воздух в легкие и провожу браслетом по сенсору.

Дверь открывается бесшумно и я замираю.

Владыка уже там. Он сидит во главе длинного черного стола, полированного до блеска. На столе расставлены тарелки, приборы и бокалы. Еда кажется настоящим произведением искусства: овощи, тонко нарезанные ломтиками, мясо с ароматом трав, еще теплый, дымящийся хлеб.

Но я смотрю не на еду.

Я смотрю на него.

Владыка Даркэн сидит в кресле с высокой спинкой, откинувшись назад, и его черные волосы свободно рассыпаны по плечам. Он снял хвост. Впервые я вижу их распущенными — длинные, прямые, почти до пояса. Похоже на толстые дреды или змей, которые медленно передвигаются по его голове. Владыка переоделся: вместо темного костюма на нем простая черная рубашка, расстегнутая на две пуговицы сверху, и темные штаны.

А еще он без сапог. Босой и выглядит почти... домашним.

Почти человеческим.

— Ты опоздала, — говорит он, не поднимая головы. Он смотрит на голографический экран, парящий над столом — какие-то схемы, цифры, отчеты. — И если ты еще не знаешь, я не люблю ждать.

Щенок срывается с места. Подбегает к Владыке, прыгает ему на колени, и Даркэн наконец отрывается от экрана. Кладет руку на черную голову, гладит, чешет за ухом.

— Привет, Тень, — говорит он тихо. Почти ласково. — Привел ее?

Щенок фыркает, кладет голову ему на грудь и довольно жмурится.

— Тень? — переспрашиваю я.

— Это его имя, — Даркэн поднимает на меня взгляд. — Тень.

Короткое. Простое. Но как же оно ему подходит. Черный, скользкий, почти незаметный в темноте.

— Садись, — он кивает на стул рядом с собой. — Еда стынет.

Я медленно подхожу. Каждый шаг дается с трудом — ноги трясутся, сердце колотится где-то в горле. Сажусь на самый край стула, чтобы не чувствовать его плечо рядом.

Он наливает мне вино. Красное, густое, пахнущее незнакомыми ягодами и чем-то терпким.

— Пей, Алиса — приказывает он. — Тебе нужно успокоиться.

— Откуда вы знаете, что я нервничаю? — спрашиваю я, беря бокал дрожащими пальцами и подношу к губам.

Он усмехается. Криво, жестко, но в этой усмешке нет злости.

— Я чувствую тебя. Созвучие, помнишь?

Я делаю глоток. Вино теплое, обволакивающее, и я чувствую, как напряжение начинает отпускать.

— Зачем вы приказали мне прийти на обед? — спрашиваю я. — Я думала, вам не нужна компания.

— Не нужна, — он отрезает кусок мяса, отправляет в рот, жует медленно, смакуя. — Но я хочу знать, не сломала ли ты что-нибудь в моей каюте.

— Я ничего не ломала, — отвечаю я.

— Жаль, — он поднимает на меня взгляд. — Я думал, ты буйная.

— Я была буйной, — говорю я тихо. — Когда-то. Пока меня не сломали.

Он замирает с вилкой в руке. Смотрит на меня пристально. Я не отвожу взгляд.

— Кто? — спрашивает он. Голос звучит глухо и угрожающе.

— Мой бывший муж. Маркус.

— Он жив?

— Насколько я знаю, да.

Даркэн откладывает вилку. Откидывается на спинку кресла, и его глаза начинают золотиться. Медленно, словно в них зажигают огонь.

— Хм.. значит, я его убью, — говорит он. Просто и так буднично, словно говорит о погоде.

У меня перехватывает дыхание.

— Зачем?

Он наклоняется вперед. Его лицо оказывается близко — так близко, что я чувствую его дыхание. Дым, металл, вино. От его горячего и живого дыхания мое сердце начинает биться быстрее.

— Ты моя, — говорит он. — Моя вещь. Моя собственность. И никто не смеет ломать мои вещи. Никто, кроме меня.

Я должна испугаться. Должна отшатнуться. Должна вспомнить, что я — рабыня, а он мой хозяин.

Но вместо этого я смотрю в его золотые глаза и спрашиваю.

— А ты? Ты тоже будешь ломать меня?

Золото в его глазах пульсирует, разгорается, и я чувствую, как воздух между нами становится тяжелым.

— Я не знаю, — наконец говорит он. — Я не знаю, что я с тобой буду делать. Но ломать женщин не в моих правилах.

Он отстраняется. Поднимает бокал, делает глоток. Он резко ставит бокал на стол. Вино выплескивается, и красные капли растекаются по полированной поверхности.

— Ешь, — говорит он, и его голос снова становится ледяным. — У нас еще есть время до Астракора. Время, за которое я должен решить, что с тобой делать.

Я беру вилку. Отрезаю кусок мяса. Жую, не чувствуя вкуса.

Тень сидит на коленях у Владыки, положив голову мне на руку. Греет.

Даркэн снова утыкается в экран.

Но я вижу, как напряжены его плечи. Как сжаты пальцы на бокале.

Он тоже не знает, что делать.

И почему-то это знание согревает меня больше, чем вино.

Мы обедаем в тишине.

Я почти доела, когда он отрывается от экрана и смотрит на меня.

— Ты врач, — говорит он. И я понимаю, что он знает кто я и сейчас не спрашивает, а утверждает.

— Да, — отвечаю я. — Была хирургом-реаниматологом. Пока меня не продали.

— Хорошом, — он откидывается на спинку кресла, скрещивает руки на груди. — В твоем досье написано еще кое-что.

— Может быть то, что я бесплодна, — говорю я горько. — Это не было для вас проблемой, когда вы покупали меня.

Даркэн молчит и на его лице не дрогнул ни один мускул.

— Ты хочешь снова работать?

Я поднимаю на него глаза.

— Что?

— Ты хочешь снова работать врачом?

— Кому это нужно? — усмехаюсь я. — Я на корабле Владыки. В рабстве. Кого я буду лечить?

— Меня, — говорит он просто.

Я замираю.

— Что?

— У нас есть медицинский отсек. Лучшие врачи в галактике. Но Созвучие — это не физическая болезнь. Это что-то иное. То, что мы не понимаем. Мои врачи не знают, как с этим работать.

— А я знаю? — удивляюсь я.

— Ты чувствуешь, — говорит он. — Ты знаешь, что это. Ты чувствуешь меня. Ты можешь подсказать, что происходит. Может быть, ты сделаешь то, что поможет излечить симптомы и как-то это облегчить.

— Облегчить? — переспрашиваю я и усмехаюсь. — Вы хотите, чтобы я помогла вам вычеркнуть меня из своей жизни?

Хорошики мои, еще одна новинка нашего космического Литмоба!
Землянка. Дружба vs Любовь
https://litnet.com/shrt/ie9e
Бывший муж украл мою дочь.

Пока я выбирала ей школу, он вывез ее из системы, чтобы выдать замуж и отдать на воспитание в семью жениха!

В его мире не действуют законы Альянса, а матери не имеют никаких прав. Поэтому чтобы вернуть свою малышку я пришла за помощью к единственным, кому могла доверять - другу семьи и своему бывшему сокурснику.

Они без вопросов согласились помочь. Но когда мы оказались втроем посреди космоса, я начала подозревать, что двигала ими вовсе не дружба…

Глава 10. Раздевайся... Алиса.

— Ты действительно думаешь, что я хочу вычеркнуть тебя из своей жизни? — его голос низкий, почти шепот. — Если бы я хотел, ты была бы уже мертва. Или заперта в клетке. Или забыта где-нибудь в трюме.

— Тогда чего вы хотите? — спрашиваю я, стараясь чтобы голос не дрожал.

Он встает и подходит ко мне. Останавливается так близко, что я чувствую жар его тела.

— Я хочу понять, — говорит он. — Что это такое? Зачем? Почему именно ты? Я хочу знать, можно ли это контролировать? Или мы обречены задыхаться друг без друга до самой смерти?

Я смотрю на него снизу вверх. Он огромный, мрачный, пугающий… и завораживающий. Никогда прежде я не встречала таких мужчин и сейчас мне страшно.

— Вы хотите, чтобы я провела над вами эксперимент? — переспрашиваю я.

— Я хочу, чтобы ты взяла у меня анализы. Посмотрела, что происходит с моим телом, когда ты рядом. И что происходит, когда тебя нет.

— А как мы проверим, когда меня нет? Вы же не можете находиться далеко.

— Могу, — говорит он. — Я могу терпеть. Недолго, но могу. Если буду знать, что ты вернешься.

Я молчу. Мое сердце бьется где-то в горле.

— Это началось в тот миг, когда я коснулся тебя, — тихо говорит он, будто читая мои мысли. — До этого я жил как обычно. Не знал, что Созвучие вообще существует. А теперь не могу дышать без тебя.

Он смотрит на меня. А я не могу отвести от него взгляда, это слишком болезненно не видеть его, не дышать им.

— Я хочу понять, что ты такое, Алиса. И что мы теперь друг для друга. Идем, — он протягивает мне руку. — Я покажу тебе медицинский отсек.

Я смотрю на его ладонь. Большую, с длинными пальцами, с мозолями от меча. Той самой рукой, которая сжимала мое горло. Которая ласкала мое тело. Которая вошла в меня.

Его пальцы обхватывают мои, и я ощущаю электрический разряд, пробежавший по телу. Он тоже ощущает это, и я вижу, как его глаза вспыхивают.

— Пошли, — говорит он, и его голос звучит хрипло.

Мы идем по коридорам. Тень трусит следом. Я пытаюсь запомнить путь, но в голове пусто. Только его ладонь в моей. Только его шаги рядом. И тепло внизу живота превращается в тугую пружину, которая сжимается всё сильнее.

Мы останавливаемся перед массивной серебряной дверью.

— Медицинский отсек, — говорит он, прикладывая ладонь к сенсору.

Дверь открывается и я вижу перед собой помещение. Огромное, стерильное, оснащенное по последнему слову техники. Аппараты, которых я никогда не видела. Столы для операций. Мониторы. Капсулы для регенерации.

— Впечатляет, — шепчу я.

— Это лучший медицинский отсек во всей галактике, — говорит он. — Но мои врачи бессильны перед Созвучием. Потому что никогда ранее с ним не соприкасались.

Из-за стола поднимается женщина.

Высокая, строгая, с седыми волосами, собранными в пучок.

— Владыка, — она кланяется. — Мы не ожидали… эмм… вас здесь увидеть.

— Доктор Элена, — говорит Даркэн. — Познакомьтесь. Это Алиса. Она будет работать с вами.

Женщина смотрит на меня с легким презрением.

— Землянка? — ее голос холодный. — Владыка, вы шутите. Она даже не обучена нашим технологиям.

— Она хирург-реаниматолог, — говорит Даркэн. — И она будет работать со мной. Лично.

Доктор Элена открывает рот, чтобы возразить, но Даркэн перебивает ее.

— Это приказ и он не обсуждается.

Она закрывает рот и кланяется.

— Как скажете, Владыка.

— Оставьте нас, — говорит он. — На час. Чтобы никто не входил.

Доктор Элена бросает на меня последний взгляд полный недоверия и выходит.

Мы остаемся одни.

Тень ложится у двери, кладет голову на лапы и закрывает глаза.

— Раздевайся, — говорит Даркэн.

— Что? — я смотрю на него.

— Чтобы взять анализы, нужно осмотреть пациента, — его губы изгибаются в усмешке. — Разве не так?

— Вообще-то, пациент раздевается, а не врач.

Он усмехается. Медленно, с явным удовольствием.

— Ты не поняла. Я хочу изучить не себя. Я хочу изучить тебя. Как твое тело реагирует на меня. Как Созвучие меняет твою физиологию.

— И для этого я должна раздеться?

— Для этого ты должна быть обнаженной, — говорит он. — Чтобы я мог видеть. Чувствовать. Изучать.

— Но…, – я сглатываю, потому что аргументы вдруг закончились.

— Ты же врач, Алиса. Ты должна понимать важность клинического наблюдения.

В его словах есть логика, но я вижу в его глазах голод. Настоящий животный голод по моему телу.

— Это не клиническое наблюдение, — говорю я тихо. — Это похоже на предлог.

— Возможно, — соглашается он. — Но это также и необходимость. Я хочу знать, как ты реагируешь на мои прикосновения, на мой голос, на мое дыхание. Это часть эксперимента.

Он делает шаг ко мне.

— Так что, Алиса? Ты поможешь мне понять, что мы такое? Или будешь прятаться за одеждой и приличиями?

Я смотрю на него. В его золотые глаза. В пламя, которое разгорается в них.

— Вы не оставляете мне выбора, — говорю я.

— Выбор есть всегда, — отвечает он. — Ты можешь отказаться и мы оба будем задыхаться, пока я не найду другой способ. Или ты можешь довериться мне. Здесь и сейчас.

Я молчу, а потом медленно, не отводя взгляда, расстегиваю тунику.

Хорошики мои, у меня для вас новинка нашего Литмоба!
Сирена для звездного Командора
https://litnet.com/shrt/Q_0-

— Я хочу вашу дочь.

Одной фразой Звездный Командор Дар решил мою судьбу.

Меня выдали замуж как гарантию межзвездного договора и отправили на чужую планету. Теперь я пленница человека, которого должна ненавидеть.

Только чем дольше я живу рядом с суровым Командором, тем сильнее понимаю: меня обманули.

Дар не тот монстр, которым его считают.

А я не та девушка, за которую себя выдаю.

Глава 11. Я всё равно сорву эту маску.

Я медленно расстегиваю тунику. Пальцы дрожат, и я ненавижу себя за эту дрожь. Ткань скользит по плечам, падает на пол. Я снимаю штаны, и холодный воздух касается моих ног.

Я останавливаюсь на секунду. Смотрю на него. Он не двигается. Только смотрит — и в его взгляде столько голода, что у меня перехватывает дыхание.

Я медленно, не отводя глаз, снимаю белье. Трусики скользят по бедрам, падают на пол. Я остаюсь полностью обнаженной. Воздух касается моей кожи, и я чувствую, как соски твердеют от холода. Или от его взгляда.

— Я сделала то, что вы просили, — говорю я, стараясь не смотреть на него. — Что дальше?

Он молчит. Только смотрит. Так долго, что я начинаю дрожать под его пристальным взглядом. Затем медленно подходит и поднимает меня на руки. Я вскрикиваю от неожиданности, но потом прижимаюсь к его груди и чувствую сквозь тонкую ткань рубашки, как быстро бьется его сердце.

Он несет меня к медицинской койке. Осторожно кладет на холодную металлическую поверхность. Я вздрагиваю от прикосновения металла к голой коже, и он это замечает.

— Что вы делаете? — шепчу я, стараясь унять дрожь.

— Смотрю, изучаю. Хочу понять, что происходит, когда я касаюсь тебя.

Он проводит пальцем по моей ключице. Медленно, почти невесомо. Я вздрагиваю. Кожа покрывается мурашками. Я чувствую, как внутри что-то сжимается.

— Вот, — шепчет он. — Ты дрожишь. Почему?

— Потому что вы касаетесь меня, — отвечаю я, и мой голос дрожит так же, как мое тело.

— А если я коснусь здесь? — он проводит пальцем по моей шее, по тому месту, где оставил фиолетовые следы. Я чувствую, как внутри все переворачивается. Как его прикосновение отзывается где-то глубоко внизу живота.

— Или здесь? — он касается моей груди. Его большой палец проводит по соску, и я чувствую, как он твердеет под его пальцем. Я выгибаюсь навстречу его руке, и он усмехается. Тихо, довольно.

— Владыка, — шепчу я.

— Даркэн, — поправляет он. — Когда мы вдвоем, называй меня по имени.

Я открываю глаза и смотрю на него. Его лицо так близко. Я вижу каждую черточку, каждую морщинку, каждую ресницу. Его глаза горят золотом. Таким ярким, что мне кажется, я вижу в них свое отражение.

— Зачем вы это делаете? — спрашиваю я. — Зачем вы мучаете меня?

— Мучаю? — он усмехается. — Я хочу увидеть тебя настоящую. Ту, которую ты прячешь под маской. Ту, которая не боится меня. Ту, которая хочет меня так же сильно, как я хочу тебя.

— А если я не хочу показывать? — мой голос дрожит, и я ненавижу себя за эту слабость.

Он усмехается. Жестко, холодно.

— Ты не поняла, Алиса. Я не спрашиваю разрешения. Я сказал, что увижу тебя настоящую и я увижу. Рано или поздно. Ты можешь прятаться сколько угодно — я всё равно сорву эту маску.

Я сглатываю. В его голосе нет злости. Только уверенность.

— Даже если я не хочу этого?

— Особенно если ты не хочешь, — говорит он. — Твоё сопротивление делает это интереснее.

Он наклоняется и целует меня. Требовательно, но не грубо. Его язык скользит по моим губам, и я чувствую, как он берет — без спроса, но без боли. Я должна оттолкнуть его. Должна сопротивляться. Но моё тело не слушается.

Я отвечаю на поцелуй.

Он отрывается от моих губ и смотрит на меня. В его глазах — удовлетворение.

— Видишь? — шепчет он. — Твоё тело уже не врёт мне. Даже если ты пытаешься.

Его руки скользят по моему телу. Изучают. Пробуют. Я чувствую, как его пальцы сжимают мою грудь, и я стону ему в рот. Он гладит мой живот, и я чувствую, как мышцы напрягаются под его ладонью. Как его пальцы спускаются ниже.

— Ты уже мокрая, — шепчет он, отрываясь от моих губ. — А я тебя только коснулся.

Он раздвигает мои ноги. Я ощущаю, как холодный воздух касается моего влажного лона. Как его пальцы скользят по моим складкам, собирая влагу. Я чувствую, как он находит мой клитор — набухший, пульсирующий — и нажимает на него.

Я вскрикиваю. Громко, не сдерживаясь.

— Тише, — шепчет он. — Тише… Алиса.

Но он не убирает палец. Он давит сильнее, кружит вокруг, и я чувствую, как внутри все натягивается, как оргазм подбирается ближе.

Он входит в меня одним пальцем. Медленно. Глубоко. Я закусываю губу, потому что чувствую, как он заполняет меня. Как его палец двигается внутри, находит ту точку, от которой темнеет в глазах.

— Смотри на меня, — произносит он хриплым голосом. — Не закрывай глаза. Смотри.

Я смотрю в его золотые глаза. В пламя, которое разгорается в них. Я вижу в них свое отражение — распластанную, дрожащую, почти сломленную. Но я не отворачиваюсь.

Он добавляет второй палец. Я чувствую, как растягиваюсь, как мое тело принимает его. Как его пальцы двигаются внутри меня, и я слышу влажный звук — настолько громкий, что мне становится стыдно.

— Даркэн, — шепчу я.

— Да? — его голос хриплый.

— Пожалуйста…

— Что ты хочешь? Говори!

Я не отвечаю. Не могу. Только прикусываю губу и сжимаю бедра вокруг его руки.

— Скажи, — он наклоняется, его губы касаются моего уха. — Скажи, чего ты хочешь.

— Тебя, — выдыхаю я. — Я хочу тебя. Внутри.

Он убирает пальцы. Я чувствую пустоту, и это невыносимо… это больно. Я вижу, как он расстегивает штаны. Как его член вырывается наружу — твердый, длинный, пульсирующий. На головке блестит капелька смазки, и я чувствую запах его возбуждения — такой сильный, что у меня кружится голова.

— Посмотри на меня, — говорит он. — Я хочу, чтобы ты видела.

Я поднимаю глаза. Смотрю на его член, который он сжимает в руке. Смотрю, как он проводит большим пальцем по головке, собирая капельку. Как подносит палец к моим губам.

— Открой, — шепчет он.

Я подчиняюсь. Открываю рот, и он кладет палец на мой язык. Я чувствую вкус его возбуждения — соленый, терпкий, горячий. Я облизываю его палец, и он рычит. Его глаза вспыхивают.

— Хочешь? — спрашивает он.

— Да, — шепчу я. — Пожалуйста.

Он входит в меня медленно… по сантиметру. Я чувствую, как его головка давит на вход, как раздвигает мои стенки. Как он заполняет меня — медленно, неумолимо.

Я чувствую как его пенис исчезает внутри меня. Как мои губы растягиваются вокруг него. Как его ствол погружается в меня все глубже и глубже.

— Ты моя, — говорит он. — Только моя.

Он начинает двигаться. Медленно, глубоко. Каждый толчок — как удар. Я чувствую, как он заполняет меня до краев. Как его член упирается в самое основание, и я чувствую, как внутри разливается тепло.

— Я хочу, чтобы ты запомнила этот момент, — шепчет он. — Каждое мое движение.

Я не отвечаю. Только стону. Каждый раз, когда он входит, я чувствую, как мое тело принимает его. Как мои мышцы сжимаются вокруг него, не желая отпускать.

— Ты чувствуешь? — спрашивает он. — Ты чувствуешь меня?

— Да, — выдыхаю я.

— Запомни это, — шепчет он. — Запомни, какой я внутри тебя. Как я двигаюсь. Как наполняю тебя.

Он ускоряется. Я чувствую, как его дыхание становится рваным. Как его руки сжимают мои бедра. Как его пальцы впиваются в кожу, оставляя следы.

— Я хочу, чтобы ты запомнила свое тело, — шепчет он. — Как оно откликается на меня. Как твое сердце бьется в такт моим движениям.

Я чувствую, как оргазм накатывает. Медленно, но неотвратимо.

— Ты готова?

— Да, — выдыхаю я.

— Тогда давай… кончай, — говорит он. — Я хочу видеть, как ты кончаешь от меня.

Я закрываю глаза, но он сжимает мое лицо ладонями.

— Открой глаза. Смотри на меня. Не отрывайся.

Я смотрю в его горящие золотом глаза, когда меня накрывает волной. Мое тело выгибается, я кричу — громко, не стесняясь — и чувствую, как он вбивается в меня еще быстрее, еще глубже, пока не достигает пика сам.

Я чувствую, как его семя заливает меня. Горячо, густо, много. Я чувствую, как он пульсирует внутри меня, как его дыхание смешивается с моим, как его тело дрожит надо мной.

Мы замираем.

Тяжело дышим.

Я чувствую, как его сердце бьется в такт моему. Как его дыхание касается моей шеи. Как его пот капает на мою грудь.

— Это и есть эксперимент? — шепчу я спустя несколько минут.

Он усмехается, уткнувшись носом в мою шею.

— Это только начало.

Я чувствую, как он целует меня в шею. Мягко, почти нежно.

Затем поднимается и застегивает штаны. Я смотрю на него, он стоит надо мной, сильный, властный. Смотрит на меня сверху вниз — распластанную, обнаженную, все еще дрожащую от его прикосновений.

— Одевайся, — говорит он. — Я пошлю Каэла отвести тебя в твою каюту. Вечером я пришлю за тобой.

— Зачем?

— Ты ночуешь в моей каюте, как я и обещал. Каждую ночь. Или ты забыла?

Хорошики мои, у меня для вас новинка нашего космического Литмоба!
Космические мужья хозяйки лечебницы
https://litnet.com/shrt/lyBY

БЄСПЛА́ТНО

Муж расплатился моим телом за долги, но я сбежала и открыла лечебницу на неизведанной планете. Теперь же дело всей моей жизни хотят отнять! И все потому, что свободным женщинам запрещено вести бизнес! У меня есть всего несколько дней, чтобы найти себе нового мужа. И по местным законам их должно быть не меньше четырех!

Глава 12. Я хочу изучить Созвучие.

Я не помню, как оделась. Помню только, как натягивала одежду дрожащими руками, как ткань касалась моей кожи, все еще помнящей его прикосновения. Как я вышла из медицинского отсека и увидела Каэла, терпеливо ждущего у двери.

— Госпожа, — он кивнул, не глядя на меня. — Я провожу вас в каюту.

Я шла за ним по коридорам. Молча. В голове было пусто и шумно одновременно. Я все еще чувствовала его внутри себя.

Слышала его голос: «Вечером я пришлю за тобой».

— Мы пришли, госпожа, — Каэл остановился перед знакомой дверью. — Внутри вас ждет одежда и все необходимое. Если что-то понадобится — просто скажите.

— Спасибо, Каэл, — выдавила я дрожащим голосом.

Он кивнул и ушел.

Я вошла в каюту. Закрыла дверь. Прислонилась к стене и закрыла глаза.

Внутри меня все дрожало.

Я прошла в ванную комнату, включила горячую, почти обжигающую воду и встала под струю. Вода стекала по моему телу, смывая его запах, его прикосновения, его следы. Но в глубине души он оставался.

Я смотрела на свои руки. Они все еще дрожали.

Постояв минут десять, я выключила воду, натянула чистую одежду — мягкие штаны и свободную тунику (другой одежды здесь не было) и села на кровать. Даркхаунда Тени не было, видимо она убежала вместе со своим хозяином. Я не знала, что делать. Встала, прошлась по каюте туда-сюда, затем обратно. Вдруг остановилась у двери, и меня осенило. Мысль пришла внезапно, яркая, четкая, как вспышка молнии.

Я не хочу сидеть здесь и ждать.

Я встала, подошла к двери, приложила браслет к сенсору. Дверь бесшумно открылась.

Коридор был пуст. Но я все равно подождала несколько секунд, прислушалась. А потом сделала шаг, второй.

Налево. Потом направо. Потом прямо.

Я нашла медицинский отсек через десять минут. Шлюз открылся — внутри никого не было. Доктор Элена, наверное, ушла. Или ее отправили куда-то. Или она просто не хотела работать с той, кого привел Владыка.

Я стояла посреди отсека и смотрела на приборы. На экраны, на аппараты, на все это великолепие технологий, которые я не видела годами.

— Ну что, Алиса, — сказала я себе тихо. — Поработаем?

Я подошла к главному терминалу. Экран загорелся от моего прикосновения.

— Привет, — сказала я. — Я не знаю, кто ты, но мне нужна помощь.

Через секунду на экране загорелся голубой свет. Раздался голос — мягкий, женский, почти человеческий.

— Здравствуйте. Я — система «Эфир», искусственный интеллект медицинского отсека корабля «Астракор». Чем я могу вам помочь?

Я чуть не рассмеялась. Искусственный интеллект. Конечно.

— Эфир, — сказала я. — Я хочу изучить Созвучие.

— Созвучие — это редкий феномен, — сказал голос. — Данных о нем крайне мало. Последний зафиксированный случай был более двухсот лет назад.

— Я знаю, — сказала я. — Но мне нужно понять, как оно работает. Как его можно контролировать. Как его можно... вылечить.

Тишина.

— Вы хотите избавить кого-то от Созвучия? — уточнил Эфир.

Я замялась. Сказать ли ему правду? Это же просто машина. Искусственный интеллект. Он не расскажет никому.

— Владыку, — сказала я. — У него Созвучие… со мной.

Эфир замолчал. На несколько секунд дольше, чем обычно.

— Это невозможно, — наконец сказал он. — Созвучие — редчайший феномен. Вероятность того, что Владыка встретил свою пару... ничтожна. Менее одного на миллиард.

— Тем не менее, это случилось, — ответила я. — Мы связаны. Я хочу понять, как это работает.

Эфир снова замолчал. На экране замелькали графики, схемы, древние символы.

— У меня есть доступ к архивам, — сказал он. — Но данных очень мало. Большинство случаев Созвучия заканчивались смертью одного из партнеров.

— Смертью? — я почувствовала, как холодеет внутри.

— Да. Когда Созвучие возникает, партнеры становятся зависимы друг от друга физически. Их жизненные энергии сливаются. Если один умирает — второй умирает следом. Если они находятся далеко друг от друга — оба страдают. Иногда до смерти.

Я села на стул.

— А если один из них не хочет быть связанным?

— Это не имеет значения, — ответил Эфир. — Созвучие не спрашивает разрешения. Оно возникает или не возникает. Выбора нет.

Я смотрела на экран.

— Значит, я обречена быть с ним?

— Вы уже связаны, — сказал Эфир. — Разорвать Созвучие невозможно. Но его можно контролировать. Изучить. Научиться жить с ним.

— Как?

— Начнем с анализов, — сказал Эфир. — Я могу провести полное сканирование вашего тела и тела Владыки. Сравнить показатели. Найти паттерны.

— Владыки сейчас нет, — сказала я.

— Я сохранил его данные из последнего медицинского осмотра, — ответил Эфир. — Они подгружены в систему.

— Отлично, — я подошла к сканеру. — Тогда начинай.

Я легла на койку. Сканер прошелся по моему телу, и на экране начали появляться цифры. Я смотрела на них и пыталась понять, что они значат.

— Ваши показатели нестабильны, — сказал Эфир. — Уровень кортизола повышен. Адреналин зашкаливает. Но есть и аномалии.

— Какие?

— Ваш пульс учащается, когда вы думаете о Владыке. Ваше тело выделяет окситоцин — гормон привязанности даже когда вы не касаетесь его. Это говорит о том, что ваша физиология уже адаптировалась к нему.

— Это плохо?

— Это неизбежно, — сказал Эфир. — Ваше тело уже признало его своей парой. Теперь вопрос только в том, как вы будете с этим жить.

Я закрыла глаза.

— Что я должна сделать?

— Для начала — понять, что вы чувствуете. Созвучие — это не только физиология. Это эмоции. Это связь на уровне души. Если вы научитесь контролировать свои эмоции, вы сможете контролировать и Созвучие.

— А как мне научиться этому?

— Практика, — сказал Эфир. — Медитация. Дыхательные упражнения. И… время.

Я открыла глаза.

— А если я не хочу контролировать Созвучие?

Эфир снова замолчал.

— Тогда вы будете зависеть от Владыки всю свою жизнь, — сказал он тихо. — Каждый день. Каждую ночь. Каждый миг.

Я смотрела на экран. На графики, на цифры, на схемы.

— А что, если я хочу, чтобы он тоже зависел от меня?

— Это уже происходит, — ответил Эфир. — Владыка также зависит от вас, как и вы от него. Он просто не хочет этого признавать.

Я усмехнулась.

— Тогда у нас есть шанс.

— Конечно же, шанс есть всегда. О каком шансе речь?

— Сделать так, чтобы он понял, что я не просто рабыня. Что я равная. И что без меня он не сможет жить.

Эфир молчал.

— Это сложный путь, — наконец сказал он.

— Я знаю, — ответила я. — Но я не собираюсь сдаваться.

Я встала с койки. Подошла к экрану.

— Эфир, — сказала я. — Ты будешь мне помогать?

— Я создан для того, чтобы помогать, — ответил он. — Моя функция — сохранять жизнь. Если ваша цель — сохранить жизнь Владыки и свою собственную — я буду вам помогать.

— Спасибо, — сказала я.

И в этот момент дверь медицинского отсека открылась.

Я обернулась и увидела на пороге Даркэна.

— Я искал тебя, — сказал он. — Ты не должна была уходить из своей каюты.

Я посмотрела на него, вздернув подбородок. От его глаз исходило сияние, оно проникало внутрь меня, запускало знакомый отклик внизу живота — пульсацию, тепло, желание.

— Я работаю, — ответила я. — Это вы хотели, чтобы я изучала Созвучие. Вот я и изучаю.

Он подошел ближе. Посмотрел на экран, на графики, на схемы.

— И что ты нашла? — нахмурившись спросил он.

— Я нашла способ, как мы можем научиться контролировать… ЭТО, — сказала я. — Если мы оба захотим.

— А ты хочешь? — спросил он.

— Я хочу жить, — ответила я. — И я хочу, чтобы вы тоже жили. Даже если для этого нам придется научиться доверять друг другу.

Он хмыкнул и почесал волевой подбородок. А потом медленно, очень медленно, сказал:

— Хорошо, Алиса. Рассказывай.

Хорошики мои, у меня для вас новинка нашего космического Литмоба!

Их желанная добыча

https://litnet.com/shrt/5iHY

Я оказалась в руках трёх космических воинов! А надо-то было просто случайно активировать настоящий боевой корабль в городском парке аттракционов.

Вдобавок ко всему они решили, что я не только шпион и причина всех их бед, но и желанная добыча!

Глава 13. Ты хочешь, чтобы я медитировал?

Я перевела дыхание. Он стоял передо мной — огромный, темный, с горящими золотом глазами, и смотрел так, будто я была единственным человеком во всей галактике. Или единственной загадкой, которую он никак не мог разгадать.

— Я не знаю точно, как это работает, — начала я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Но Эфир сказал, что Созвучие — это не только физиология. Это эмоции. Связь на уровне души. И если мы научимся контролировать свои эмоции, мы сможем контролировать и Созвучие.

— Контролировать эмоции? — он усмехнулся и я увидела в его глазах удивление. — Я контролирую свои эмоции уже много лет. Я — Владыка Звездной Империи Астракор. Я не позволяю себе чувствовать.

— Вот именно, — сказала я. — Вы подавляете свои эмоции. А Созвучие требует обратного. Оно требует, чтобы вы чувствовали. Чтобы вы принимали свои эмоции, а не прятали их.

Он нахмурился. Между бровей пролегла глубокая складка.

— Ты хочешь сказать, что я должен стать слабым? Позволить эмоциям управлять мной?

— Нет, — покачала я головой. — Я говорю о том, что вы должны перестать бороться с ними. Признать, что они есть. И тогда они перестанут управлять вами. Вы будете управлять ими.

Он молчал. Смотрел на меня так пристально, что я почувствовала, как по спине пробегают мурашки. Казалось, он видит меня насквозь — каждую мысль, каждое сомнение, каждое желание.

— И как это сделать? — спросил он наконец.

— Начнем с малого, — сказала я. — Когда вы чувствуете, что Созвучие нарастает — дышите. Глубоко. Медленно. Сосредоточьтесь на своем дыхании, а не на том, что вы чувствуете. Это поможет вам успокоиться.

— Дыхание, — повторил он, и в его голосе послышалась усмешка. — Ты предлагаешь мне дышать?

— Это работает, — сказала я. — Попробуйте прямо сейчас.

Он смотрел на меня. Секунду. Две. Потом медленно сделал вдох. Глубокий, протяжный. Грудь под черной рубашкой поднялась, опустилась. Затем — выдох.

— И что? — спросил он, и в голосе послышалось раздражение.

— Чувствуете разницу?

Он помолчал.

— Нет, — рявкнул он и одернул полы кителя. — Ничего не изменилось.

— Это только начало, — сказала я спокойно. — Это не работает мгновенно. Нужно время. Практика и терпение.

Он усмехнулся, но в усмешке проскользнуло что-то почти обреченное.

— Ты хочешь, чтобы я медитировал?

— Если вы хотите контролировать Созвучие, тогда да, — сказала я. — Это поможет.

Он снова замолчал. Долго смотрел на меня. Потом медленно кивнул.

— Хорошо, Алиса. Я попробую.

Я почувствовала, как внутри что-то расслабляется. Узел, который я носила в груди, начал развязываться.

Он подошел ближе. Остановился в шаге от меня. Я чувствовала его тепло — такое сильное, что мне казалось, я могу протянуть руку и коснуться его тела. От него пахло озоном и чем-то первобытным, что заставляло мое сердце биться быстрее.

— Ты голодна? — спросил он, и его губы изогнулись в ухмылке.

Я удивилась вопросу и почувствовала, как мои брови приподнялись.

— Что?

— Я спросил, хочешь ли ты есть, — повторил он. — Ты не ела с утра.

Я и правда не ела. И только сейчас поняла, что голодна. Желудок предательски заурчал, и я почувствовала, как кровь приливает к щекам.

— Да, — призналась я. — Немного хочу.

— Тогда пойдем, — он протянул мне руку. — Я накормлю тебя.

Я смотрела на его ладонь. Большую, сильную, с мозолями от меча. Ту самую, которая касалась меня. Которая входила в меня. Которая заставляла меня кричать от удовольствия.

Я взяла ее.

Его пальцы сомкнулись вокруг моих, и я почувствовала, как по телу разливается тепло. Созвучие - это было оно. Я чувствовала его даже через прикосновение — его пульс, его дыхание, его желание.

Он молча повел меня по коридорам. Его рука сжимала мою, и я не хотела, чтобы он отпускал. Я не спрашивала, куда мы идем — знала, что бесполезно. Владыка решает, куда идти. Я просто следовала за ним.

Мы остановились перед массивной дверью. Он приложил ладонь к сенсору, и дверь бесшумно открылась.

Его покои.

Я уже была здесь. В тот первый раз, когда он купил меня и привел на корабль. Но тогда я не заметила деталей — слишком была напугана, слишком поглощена тем, что происходило между нами.

Теперь я все видела иначе.

Комната была огромной. Высокие потолки, панорамные окна, из которых открывался бесконечный звездный океан. Мягкий свет, исходящий от стен — он не слепил, а окутывал, создавая ощущение уюта, которое казалось невозможным для человека, сотканного из стали и власти. Темная мебель из дерева, которого я никогда не видела. И в углу — маленький столик, накрытый на двоих с горящими свечами. Они и правда были настоящими, а не какими-нибудь там голограммами.

— Садись, — он кивнул на стул и сел напротив меня. На столе стояли тарелки с едой — мясо, овощи, хлеб. И снова вино. Красное, густое, пахнущее ягодами и чем-то терпким.

— Ешь, — сказал он. — Не стесняйся.

Я взяла вилку. Отрезала кусок мяса и положила в рот. Мясо было нежным, таяло на языке, и я почувствовала, как по телу разливается тепло. Я была голодна — сильнее, чем думала.

— Вкусно, — тихо произнесла я и зажмурилась от удовольствия.

— Я рад, что тебе нравится.

— Вы не будете есть? — спросила я, открывая глаза.

Он откинулся на спинку стула, и его глаза снова зажглись золотом.

— Я уже поел, — произнес он хриплым голосом и, ухмыльнувшись, взял вилку в руки. — Я хочу посмотреть на тебя. Как ты ешь. Как горят твои щеки, когда ты думаешь, что я не знаю, о чем ты думаешь.

Я почувствовала, как кровь приливает к щекам. Отвела взгляд, но он протянул руку и коснулся моего подбородка, заставляя посмотреть на него.

— Не прячься, — сказал он тихо. — Я хочу видеть твои глаза.

Я посмотрела на него. В его золотые глаза. В пламя, которое пульсировало в них.

— Алиса, — сказал он, и его голос стал мягче. — Расскажи мне о себе.

Я подняла на него глаза.

— Что именно?

— Все. Какой была твоя жизнь до того, как ты попала в рабство? Кем ты была? Что любила? Что тебя радовало?

Я замерла с вилкой в руке и выдохнула.

— Вам правда интересно, кем была ваша рабыня до того, как попала на аукцион?

Хорошие мои, у меня для вас горячая космическая новиночка!
Землянка для бывшего врага. Приказано стать напарниками
https://litnet.com/shrt/3H6v

— Вы в курсе, что ваш хвост обвился вокруг моего запястья? — процедила я, стараясь не выдать дрожи.

— Хвост живет своей жизнью, — нагло ухмыльнулся главнокомандующий, даже не думая отстраняться. — Если ему что-то понравилось, я не в силах это контролировать. Герионская нейробиология — сложная штука.

Я — Мирослава, старший техник на дредноуте. Моя цель — спокойно чинить реакторы и держаться подальше от герионов, с которыми мы еще недавно воевали.

Он — Астер Раэн. Герионский аристократ, герой флота, невыносимо самоуверенный тип с идеальным телом и замашками властелина галактики.

Из-за ЧП на нижних палубах нас отправляют на самоубийственную миссию. Только он и я. Вынужденные напарники в зоне нестабильного квантового ядра. Моя задача — починить системы, его — перебить диверсантов. И все бы ничего, но, кажется, самая большая угроза кроется не в поломке корабля, а в этом нахальном хвостатом командире, который решил превратить наш поход в изощренную игру на выживание... и раздевание.

Глава 14. Я чувствую тебя.

— Вам правда интересно, кем была ваша рабыня до того, как попала на аукцион?

Никто никогда не спрашивал меня об этом. Никто не хотел знать. Даже Маркус в начале, когда ухаживал, слушал меня только для того, чтобы потом использовать мои слабости против меня.

Я помню, как рассказывала ему о своей работе, о том, как впервые спасла пациента — молодого парня, который попал под обломки корабля. Маркус тогда улыбался, гладил меня по руке и говорил, что я героиня. А через месяц он сказал, что моя работа позорит его. Что жена Маркуса Вандера не должна пачкать руки кровью.

Я сжала вилку сильнее, прогоняя воспоминания.

— Я была врачом, — сказала я тихо. — Хирургом-реаниматологом. Я работала в межгалактической службе скорой помощи. Мы вылетали на вызовы по всей галактике. Аварии, катастрофы, нападения пиратов. Я спасала жизни.

— Тебе нравилось то, чем ты занималась? — спросил он, и в его голосе не было снисходительности. Только искреннее любопытство.

Он встал, снял китель и повесил его на спинку стула, оставшись в одной космийке, которая обтягивала его мощное тело как вторая кожа.

— Да, — сказала я, и впервые за долгое время почувствовала, как внутри что-то оттаивает. — Я любила свою работу. Я чувствовала, что делаю что-то важное. Что я нужна.

— Я помню, как в первый раз сама провела операцию. Руки тряслись, когда я брала скальпель. Но потом, – я усмехнулась и посмотрела в потолок, – потом я вошла в ритм, и мир перестал существовать. Только я, мои руки и пациент, который ждал, что я спасу его.

— И ты спасла?

— Да, – улыбнувшись я кивнула. – Когда он открыл глаза и посмотрел на меня, я почувствовала, что могу всё. Абсолютно всё.

— А что ты любила кроме работы? — спросил он и откинувшись на спинку стула, закинул руки за голову.

Его мышцы под космийкой напряглись и выступили, и я отвела взгляд, чтобы не пялиться на мощное тело Владыки.

Я задумалась и заметила краем глаза, что его взгляд скользнул по моему лицу и задержался на губах. Я почувствовала, как снова краснею.

— Я любила читать, — сказала я. — Медицинские журналы, научную фантастику. В детстве я зачитывалась историями о дальних планетах, о том, как люди покоряют космос. Я мечтала быть космонавтом, потом передумала и стала врачом.

Я помню, как лежала на крыше нашего дома на Земле и смотрела в небо. Я могла часами разглядывать созвездия. Отец показывал мне их, перечислял названия, рассказывал легенды. Когда он умер, я продолжила смотреть на звезды. Мне казалось, что он тоже там. Смотрит на меня.

— Я любила смотреть на звезды, — продолжила я. — Когда мы летали на вызовы, я всегда просила сесть у иллюминатора. Даже если это была самая простая миссия — я смотрела. На свет, на бесконечность, на то, как галактики кружатся в танце.

Он улыбнулся. Легко, почти незаметно. И в этой улыбке я увидела что-то, чего не видела до этого – тепло.

— Признаться, я тоже люблю смотреть на звезды, — сказал он. — Но не ради их красоты. Я смотрю на них, чтобы понять, сколько еще осталось не покоренного. Чтобы напомнить себе, что я — владыка всего, что вижу. А потом я смотрю дальше — туда, где еще не ступала моя нога. Это дает мне силы и новые амбиции.

Я усмехнулась, и он вопросительно поднял бровь.

— Мы разные, — сказала я. — Ты смотришь на звезды, чтобы покорять их. Я смотрю, чтобы мечтать. Чтобы чувствовать себя маленькой и свободной одновременно.

— Да, — согласился он, и его голос стал мягче. — Мы разные, но мы связаны Созвучием. И от этого никуда не деться. Если ты конечно, не найдешь лекарство от этой заразы.

Я посмотрела ему в глаза. В то золото, которое пульсировало в них. Я чувствовала, как Созвучие отзывается на его близость — теплом в груди, пульсацией в висках, желанием прикоснуться к нему.

— Расскажи мне о себе, — сказала я. — Ты ведь тоже был кем-то до того, как стал Владыкой.

Он хмыкнул и тяжело вздохнул. Покачал головой, словно не желая затрагивать эту тему. Я уже думала, что он не ответит. Но он вдруг взял бокал вина, отпил, и его взгляд стал отстраненным. Я видела, как его челюсть сжалась, как напряглись плечи.

— Я был воином, — наконец сказал он. — Меня воспитывали как орудие для убийства. С раннего детства я учился убивать и причинять боль. Мой отец был жестоким человеком. Он считал, что только через боль и страх можно выковать настоящего правителя. Если честно, я не помню чтобы он был ласков со мной. Помню только удары, крики. Помню, как он запирал меня в темной комнате, если я проигрывал в спарринге.

Он замолчал. Я видела, как его пальцы сжали ножку бокала так сильно, что костяшки побелели.

— Когда мне было шестнадцать, я убил его, — сказал он спокойно и не его лице не отобразилось ни одной эмоции. — В честном бою. Я доказал всем, что сильнее. Что я достоин быть Владыкой.

Я почувствовала, как в груди что-то сжалось.

— Это было трудно? — спросила я.

Он посмотрел на меня. В его глазах мелькнуло что-то, чего я не могла прочитать.

— Я убивал много раз, — сказал он. — Но первый раз я запомнил навсегда. Это был враг на поле боя. Я ударил его мечом, и он упал. Кровь была повсюду — на моих руках, на лице. Я смотрел на него и думал: «Это всё? Правда? Так просто. Он просто перестал быть». И в тот момент я понял, что внутри меня пустота. Такая осязаемая пустота, которую ничем нельзя заполнить.

Я смотрела на него и видела перед собой не Владыку.

Не повелителя.

Просто человека. Человека, который когда-то был ребенком. Который тоже искал любовь и не находил ее.

— Я заполнял эту пустоту властью, — продолжил он. — Женщинами. Битвами. Я думал, что если завоюю весь мир, то почувствую что-то. Но ничего не менялось. Я был один. Всегда один. Даже когда рядом кто-то был.

Он поднял на меня глаза, и я увидела в них ту же боль, что чувствовала сама.

— А теперь? — спросила я.

Он посмотрел мне прямо в глаза и я ощутила, как его взгляд проникает в самую глубину моей души.

— Теперь я не знаю, — прохрипел он. — Я чувствую тебя. Твое тепло и страх и желание. И это пугает меня больше, чем любая война.

Я не знала, что ответить.

Только смотрела на него и чувствовала, как внутри что-то меняется. Как стены, которые я выстроила вокруг своего сердца, начинают трескаться.

Я вспомнила, как Маркус смотрел на меня — с презрением, с холодом, с ненавистью. Как он говорил, что я никто.

Что я не стою ничего.

Что я обычная пустышка, которых миллионы в галактике.

А этот мужчина — Владыка, которому принадлежат целые миры — смотрел на меня так, будто я была его спасением. Самой главной ценностью в этом мире. Его мире.

От осознания этого всё внутри меня переворачивалось.

— Ешь, Алиса, — сказал он, нарушая тишину. — Еда остывает.

Я кивнула и снова взяла вилку, но вкуса уже не чувствовала. Только его взгляд на себе. Только его присутствие. Только его желание.

Он не сводил с меня глаз.

И я понимала, что это только начало. И от этого, мне было спокойно, впервые в жизни мне было спокойно.

Хорошики мои, еще одна новиночка нашего космического Литмоба!

Хозяйка отбракованных. Трое для землянки

https://litnet.com/shrt/kciv

- Каков первый приказ, Госпожа? Прикажешь нам пасть ниц? - с издевкой спрашивает мужчина.

- Мне не нужны рабы! - кричу в слезах. - Я никем не хочу владеть!

Я летела к отцу-Императору, а угодила в ловушку. Меня бросили в тюремную яму к трем опасным инопланетянам. Огромный гладиатор, пугающий стратег и дикий мутант должны были разорвать меня на куски, но капля моей крови запустила древний протокол.

Теперь их рабские ошейники привязаны к моему пульсу. Если умру я - умрут и они. Чудовища будут защищать меня лишь ради выживания.

Но прикосновения становятся всё горячее, а звериная ревность стирает границы дозволенного...

Глава 15. Это Астракор Прайм.

Я так и не доела ужин. Вилка скользила по тарелке, но куски мяса оставались нетронутыми. Я просто водила ею по поверхности, погруженная в свои мысли.

Даркэн смотрел на меня. Я чувствовала его взгляд кожей — он прожигал меня насквозь, заставляя забывать, как дышать.

— Почему ты не ешь? — удивленно спросил он.

— Я сыта, — солгала я и отложила вилку.

Он усмехнулся и покачал головой. По-моему, он знает, когда я вру.

— Тогда может быть, вина? — Он поднял бокал, и багровая жидкость заиграла в его гранях.

— Можно, — кивнула я, и он наполнил мой бокал.

Я сделала глоток. Вино было густым, терпким, с привкусом ягод и чего-то ещё — такого же тёмного и загадочного, как он сам.

— Расскажи мне о своих пациентах, — сказал он вдруг. — О тех, кого ты спасла. О тех, кто запомнился тебе больше всего.

Я подняла на него глаза. В его взгляде не было снисходительности или насмешки. Только искренний интерес.

И я начала рассказывать.

О маленькой девочке с колонии Вэлиан, которая попала под обломки корабля. О том, как я собирала её по кусочкам, и как она потом, через год, прислала мне рисунок — звезду, которую нарисовала своей рукой, той самой, которую я спасла.

О молодом пирате, которого мы вытащили из горящего челнока, хотя он был нашим врагом. О том, как я держала за руку старика, когда он умирал, потому что рядом не было никого из его семьи.

Даркэн слушал, не перебивал и не отводил взгляд. Он слушал так, будто каждое моё слово было важным. Так, меня еще никто и никогда не слушал.

Когда я закончила, я перевела дыхание.

— Ты правда спасла всех этих людей? — спросил он.

— Я старалась, — ответила я, пожав плечами. – Ведь это моя работа.

Он помолчал. Потом поднял бокал и сделал глоток.

— За Алису, — сказал он тихо. — За ту, кто не даёт умирать другим.

Я взяла свой бокал и чокнулась с ним.

— За тех, кого мы не смогли спасти, — ответила я и мы выпили.

Когда я вышла из-за стола, ноги слегка подкашивались. Немного от вина. Но больше – от его близости и его взгляда. От того, что он слушал меня по-настоящему.

— Я провожу тебя до твоей каюты, — сказал он, поднимаясь.

— Не надо, — покачала я головой. — Я помню дорогу.

— Не спорь со мной, — повторил он, и в его голосе не было просьбы. Только утверждение.

Я лишь повела плечом и развернулась.

Мы шли по коридору молча, но я чувствовала его рядом, его тепло, его дыхание.

Через несколько минут мы остановились у моей каюты. Я повернулась к нему и посмотрела ему в глаза. Он сейчас меня поцелует.

Он точно меня поцелует, а потом войдет в мою каюту и сбросив остатки одежды, не спрашивая меня, резко в меня войдет.

— Алиса, — сказал он, и его голос был хриплым. Я вынырнула из своих мимолетных фантазий и посмотрела на него. — Ложись спать. Утром я приду за тобой.

Он протянул руку и его пальцы коснулись моей щеки. Провели по скуле, по губам. Медленно. Почти невесомо. И я задрожала от созвучия, которое накрыло меня с головой и заставило судорожно вздохнуть.

– Владыка… – прошептала я, но он лишь усмехнулся, словно прочитав мои мысли, а потом развернулся и ушёл, не оглядываясь.

Я медленно вошла в каюту, закрыла за собой дверь и прислонилась к ней, прижимая ладони к груди.

Сердце билось так громко, что я слышала его в ушах.

Я не знаю, сколько я простояла так. Минуту. Пять. Десять.

Потом я разделась, легла в кровать и уставилась в потолок.

В голове крутились его слова, его взгляд, его прикосновения.

А потом я закрыла глаза и провалилась в сон — без сновидений, без кошмаров, без Маркуса и его рук на своем горле.

Проснулась я от того, что кто-то гладил мою руку.

Я резко открыла глаза и увидела ЕГО. Он сидел на краю кровати и смотрел на меня. В его глазах горело золото. Мягкое, почти нежное.

— Ты смотрел на меня, когда я спала? — тихо спросила я, ощущая, как внутри меня скручивается тревожный узел.

— Да, — ответил он просто. — Я не мог уйти. Когда ты спишь, ты очень красивая.

— Это комплимент? – усмехнулась я, поднимаясь на локтях.

— Вставай, Алиса, — серьезно произнес Владыка. — Мы скоро прибываем. Я хочу, чтобы ты увидела мою планету с высоты.

Мы стояли на палубе обзорного уровня, у панорамного стекла. Оно было от пола до потолка, и мне казалось, что между мной и космосом нет ничего — только тонкая преграда, за которой бесконечность дышала мне в лицо.

Звёзды висели вокруг нас. Они горели ровным, холодным светом, и я чувствовала себя песчинкой среди их величия. А внизу, под нами, росла планета.

… и она была прекрасна.

Не просто красива, нет! Это совершенно не то слово. Она была прекрасна. Сине-зелёная, с белыми прожилками облаков, которые вились вокруг материков, как кружево. Два огромных континента, похожих на расправленные крылья птицы, готовой взлететь. Между ними — океан, такой яркий, что казалось, он светится изнутри.

Я прижала ладони к стеклу. Холод пробежал по пальцам, но я не отстранилась.

— Это Астракор Прайм, — сказал Даркэн, стоя рядом. Его голос был тихим, почти благоговейным. — Моя планета. Моя родная обитель.

Я не могла произнести ни слова.

Я смотрела на этот мир, на океаны, на горы, которые покрывала зелень, на леса, простирающиеся до горизонта — и чувствовала, как внутри что-то замирает. Как дыхание застревает в груди.

— Она красивая, — выдохнула я. – Похоже на мою родную Землю.

— Да, — согласился он. — Но я никогда не замечал этого, пока не увидел её твоими глазами.

Я медленно повернулась к нему. Он стоял так близко, что я чувствовала тепло его тела. Его глаза горели золотом — не агрессивно, а мягко, почти ласково. В них отражались звёзды и планета внизу.

— Даркэн, — сказала я.

— Что? — его голос был хриплым.

— Спасибо, — сказала я. — За то, что показал мне свою планету.

Он улыбнулся легко, почти незаметно. И в этой улыбке я увидела что-то, чего не замечала раньше. Уязвимость и… человечность.

— Пойдём, — сказал он, протягивая мне руку. — Нас ждёт дворец.

Я взяла его ладонь. Его пальцы сомкнулись вокруг моих, и я почувствовала знакомое тепло — Созвучие отозвалось в груди, разливаясь по телу.

Мы пошли к выходу, и я ещё раз обернулась на планету за стеклом. Она была прекрасна. Но человек, который вёл меня за руку, был прекраснее.

Я не знала, что ждёт меня внизу. Но в этот момент, когда его рука сжимала мою, а звёзды смотрели на нас сверху, я поняла: я хочу здесь остаться… с ним.

Хорошики мои, еще одна новиночка!
Замуж поневоле. Трофей для глав корпорации.
https://litnet.com/shrt/gs9z

По генетической программе под угрозой смерти я стала женой старика.

Уже должна была лечь с ним в постель, но тут ворвались два высоких мускулистых красавца. Спасли меня.

И тут же забрали меня... замуж!

Глава 16. Я боюсь, что ты окажешься лучше, чем я думаю!

Глайдер летел над городом. Он был узким, обтекаемым, почти бесшумным — только лёгкий свист ветра вокруг нас. Чёрный корпус с золотыми вставками мерцал в лучах двух солнц, отражая свет так, что казалось, мы несёмся по течению звёзд.

Ветер трепал мои волосы, развевал тунику, и я чувствовала, как прохладный воздух касается кожи, принося с собой незнакомые прежде запахи цветов, травы, чего-то сладкого и свежего.

Даркэн сидел рядом, его рука лежала на борту глайдера, и я чувствовала его близость каждой клеткой своего тела. Он не смотрел на меня. Но я знала, что он чувствует то же, что и я. Созвучие пульсировало между нами, как живой нерв, связывающий наши души.

Город был прекрасным.

Дома из светлого камня, с острыми шпилями, уходящими в небо, переливались на солнце, словно их покрывали тончайшие кристаллы. Между ними вились дороги, по которым бесшумно скользили серебристые аэрокары. Всё здесь дышало гармонией и порядком — ни одной лишней линии, ни одного случайного цвета.

— Что это за камень? — спросила я, но мой голос утонул в шуме ветра. Я указала рукой на дома.

— Светлый астралит, — ответил Даркэн. — Он добывается только на Астракоре. Говорят, он впитывает свет двух солнц и отдаёт его ночью. Поэтому наши города никогда не погружаются в темноту.

Я смотрела на дома, на шпили, на переливающиеся фасады и чувствовала, как внутри разливается странное спокойствие. Я никогда не видела ничего подобного. Новый Вавилон был серым и грязным. Здесь же — чистота, свет, гармония.

Мы пролетели над дворцом.

Он был огромным, величественным сооружением из белого камня с золотыми куполами, которые отражали свет двух солнц. Вокруг дворца раскинулись сады — зелёные, с цветущими деревьями и фонтанами, вода в которых искрилась в лучах света. Казалось, что дворец парит в воздухе, подвешенный между небом и землёй.

Глайдер начал снижаться, и ворота перед нами открылись, пропуская нас внутрь. Мы приземлились на огромной площадке, вымощенной тем же светлым камнем, что и город.

У входа нас ждали слуги. Они выстроились в ряд и стояли с опущенными головами.

— Владыка, — сказал пожилой мужчина с седыми волосами и проницательным взглядом. — Добро пожаловать домой. Всё сделано, как вы распорядились.

Даркэн кивнул и повернулся ко мне.

— Это Альрик, — сказал он. — Мой управляющий. Он покажет тебе твои покои.

Я посмотрела на мужчину. Он был стар, но в его глазах горела живая искра. Он смотрел на меня с любопытством, но без враждебности. Скорее с уважением — как на человека, которого Владыка привёл в свой дом лично.

— Госпожа, — сказал он, поклонившись. — Прошу следовать за мной.

Я посмотрела на Даркэна. Он стоял, скрестив руки на груди, и смотрел на меня. В его взгляде я уловила что-то похожее на сожаление — будто он не хотел отпускать меня, даже на минуту. Как будто ему и правда было физически больно отпускать меня.

— МЫ еще не закончили разговор, — сказал он. — Иди. Я найду тебя позже.

Я кивнула и последовала за Альриком.

Дворец был огромным. Мы шли по бесконечным коридорам, мимо залов с высокими потолками, где висели картины и гобелены, изображающие битвы и звёздные пейзажи. В нишах стояли статуи из белого и чёрного камня, в фонтанах журчала вода, пахнущая цветами. Слуги склоняли головы, когда мы проходили мимо, но никто не поднимал взгляда.

Я чувствовала себя чужой в этом великолепии. Слишком обычной для такого места.

— Ваши покои, госпожа, — сказал Альрик, остановившись у высокой двери из светлого дерева с золотыми вставками. — Владыка приказал подготовить их лично.

Он открыл дверь, и я вошла.

Комната была огромной. Высокий потолок с росписью, изображающей звёздное небо — я узнала созвездия, которые видела с крыши своего дома на Земле. Они были теми же. Светлые стены с золотым орнаментом, который мерцал, когда на него падал свет. Огромная кровать, застеленная мягкими покрывалами и подушками, стояла у стены. В углу — письменный стол, шкаф, кресло. И маленький столик с вазой, в которой стояли живые цветы — незнакомые, с яркими лепестками, переливающимися в свете двух солнц.

Но самое главное — окна. От пола до потолка. Из них открывался вид на весь город, на горы вдалеке, на бесконечное фиолетовое небо, которое казалось таким близким, что можно было дотянуться рукой.

— Если вам что-то понадобится, — сказал Альрик, — нажмите эту кнопку. Я приду незамедлительно.

Я кивнула, не в силах оторвать взгляд от вида за окном.

— Спасибо, — выдавила я.

Он поклонился и вышел, закрыв за собой дверь.

И я осталась одна. Медленно прошлась по комнате, касаясь пальцами мебели, покрывал, стен. Всё было настоящим. Камень — настоящий, дерево — настоящее. Золото — не голограмма. Цветы — живые.

Я подошла к окну и прижалась лбом к прохладному стеклу. Передо мной раскинулся город. Фиолетовое небо с двумя солнцами — одно оранжевое, другое белое — освещало его мягким, живым светом. Горы на горизонте были покрыты зеленью, и я видела, как по их склонам стекают серебристые водопады.

Я была здесь. На родной планете Владыки. В его дворце. В его мире.

Я повернулась к двери, когда услышала шаги.

Он вошёл без стука.

Как всегда. Даркэн стоял на пороге, и его глаза горели золотом. Он снял китель, и я видела, как черная космийка обтягивает его широкие плечи, как мышцы перекатываются под тканью.

— Ты уже осмотрелась? — спросил он, и я заметила, как его взгляд скользнул по мне. Созвучие отозвалось в моей груди, разливая тепло по телу.

— Да, — ответила я. — Здесь красиво. Очень… красиво.

Он подошёл ко мне. Остановился в шаге от меня, и я почувствовала жар его тела. Он был так близко, что я видела, как пульсирует вена на его шее. Как сжимаются его кулаки, будто он сдерживает себя.

— Это твои покои, — сказал он, и его голос был низким, почти хриплым. — Ты можешь делать здесь всё, что захочешь. Выходить в сад, гулять по дворцу, читать книги в библиотеке. Единственное условие — я должен знать, где ты. Всегда.

— Я поняла, — нехотя кивнула и поджала губы.

— Я уже говорил тебе, но повторю, ты не как все, Алиса. Ты знаешь это?

— Я не знаю, — пожав плечами, я сделала шаг назад. – Возможно.

— Ты не боишься меня.

— Боюсь, – резко ответила я, – но еще я боюсь другого.

— Чего же?

Я подняла на него глаза. В его золоте я видела отражение своих собственных чувств — страх, желание, надежду.

— Я боюсь, что ты окажешься лучше, чем я думаю, — ответила я. — И что мне придётся остаться… здесь. По своей воле. А это страшнее любой силы.

Он смотрел на меня. Золото в его глазах пульсировало так ярко, что я чувствовала это в своём теле. Созвучие между нами натянулось, как струна.

— Алиса, — сказал он, и это слово прозвучало как молитва.

Потом он шагнул ко мне. Взял моё лицо в свои ладони — грубо, но в этой грубости я чувствовала нежность. Его пальцы были горячими, мозолистыми, и я прикрыла глаза, ощущая их прикосновение.

— Посмотри на меня, — сказал он, и я подчинилась.

Он смотрел на меня так, будто я была его спасением. Так, будто я была самой важной ценностью во всей галактике. Так, будто он боялся, что я исчезну.

И он поцеловал меня.

Мягко. Почти невесомо. Но в этом поцелуе я чувствовала всё — его голод, его страх, его желание. А еще было мое… и оно было сильнее.

Я впустила его язык в свой рот, и он застонал. Этот стон был тихим, почти беззвучным, но я услышала его. И он разорвал всю мою защиту.

Он отстранился первым. Его дыхание было прерывистым, глаза горели золотом, а руки дрожали.

— Отдыхай, — сказал он хрипло. — Скоро ужин и у меня для тебя есть сюрприз.

Он развернулся и вышел, оставляя меня стоять посреди комнаты.

Я осталась одна. Прислонилась к стене, прижимая ладони к груди. Сердце билось так громко, что я слышала его в ушах.

Сюрприз?! Что это значит?

Глава 17. Владыка будет доволен.

Я стояла у стены, прижимая ладони к груди, и пыталась унять бешеное сердцебиение.

Сюрприз.

Что это значит? Подарок? Наказание? Очередная проверка?

Я не знала. Но внутри меня, где-то глубоко, теплилась надежда — глупая, наивная надежда на то, что это будет что-то хорошее и возможно… приятное.

Я оттолкнулась от стены и оглядела комнату.

Мою комнату. Да, теперь она была моей и это не могло не радовать.

Я подошла к шкафу и открыла его.

Внутри висела одежда. Это были платья. Шелковые, струящиеся, переливающиеся в свете двух солнц.

Я провела пальцами по ткани — она была мягкой, прохладной, невесомой. Такие платья носили королевы. Или те, кого короли хотели видеть своими королевами.

Я выбрала одно.

Глубокого синего цвета, как ночное небо над Землей. С открытыми плечами и длинным, струящимся подолом. Рядом с ним лежали тонкие босоножки на изящном каблуке.

Я положила платье на кровать и направилась в ванную.

Ванная комната была такой же роскошной, как и спальня. Мрамор, золото, зеркала. Огромная купель, наполненная горячей водой, пахла неизвестными мне цветами. Я разделась и погрузилась в воду, чувствуя, как тепло разливается по телу, расслабляя мышцы и смывая напряжение.

Я закрыла глаза и полностью погрузилась в тепло воды, аромат цветов и предвкушение встречи с ним вечером.

После ванны, я завернулась в мягкое полотенце и посмотрела на себя в зеркало. Мои волосы, влажные и тяжелые, падали на плечи. Кожа порозовела от горячей воды. Я выглядела почти счастливой.

Затем я надела платье. Ткань скользнула по телу, обтекая его, как вода. Оно было идеальным, словно сшитым специально для меня.

Я еще не знала, что принесет мне вечер. Но в этот момент я хотела быть красивой. Для него.

Раздался тихий стук в дверь и через несколько секунд она открылась.

— Госпожа, — голос Альрика был мягким и уважительным. — Владыка ждет вас к ужину.

Я сделала глубокий вдох, поправила платье и пошла за управляющим.

— Вы прекрасны, госпожа, — сказал он вдруг. — Владыка будет доволен.

— Спасибо, Альрик.

Зал был огромным. Стены из светлого камня, высокие потолки с росписью, изображающей звездное небо. Длинный стол, накрытый на двоих. Настоящие свечи, словно в средневековом замке, мерцали на столе, наполняя комнату мягким, уютным светом.

Даркэн стоял у окна, погруженный в полумрак. Он обернулся, услышав мои шаги, и его золотые глаза, полные восхищения, устремились на меня. На нем был элегантный черный костюм, подчеркивающий его широкие плечи и стройную фигуру. В свете свечей его распущенные волосы отливали глубоким синим.

— Алиса, — сказал он тихо. — Ты прекрасна.

Я почувствовала, как кровь приливает к щекам.

— Спасибо, Владыка.

Он подошел ко мне, взял мою руку и поднес к губам. Его губы коснулись моей кожи, и я почувствовала, как по телу пробегает электрический разряд.

— Прошу, — он указал на стол, отодвинув для меня стул.

На столе стояли незнакомые блюда с едой, но пахнущие так вкусно, что у меня заурчало в животе.

— Это местная кухня, — сказал он, наливая мне вино. — Попробуй. Мне важно знать, что тебе понравится.

— Хорошо, — улыбнулась я, беря вилку и нож. Отрезала кусочек мяса и положила в рот. Оно растаяло на языке, оставляя после себя нежный, пряный вкус с легкой горчинкой, от которой я зажмурилась от удовольствия.

— Вкусно, — прошептала я и облизнулась. Не сдержалась.

Он улыбнулся настоящей улыбкой, без тени напряжения. А затем громко и расслабленно засмеялся.

— Ты невероятная, – покачал головой и провел пальцем по своей скуле. – Ты должна попробовать все. Мне нужно твое экспертное мнение.

— Разве ты сам не будешь есть? – отрезала кусочек другого мяса и макнула в густой пряный соус. Положила в рот и удовлетворенно замурчала. – Это оооочень вкусно.

Он усмехнулся, но в его глазах мелькнула тень.

— Последнее время, я перестал наслаждаться вкусами и запахами еды. Все кажется однообразным и безвкусным. Словно я жую бумагу.

Я нахмурилась. В его голосе я услышала не просто жалобу — что-то более глубокое. Потерю. Пустоту.

— Может быть, именно сегодня все изменится? — сказала я тихо. — Попробуй, Даркэн.

— Хорошо, раз ты настаиваешь.

Он посмотрел на меня. Потом перевел взгляд на тарелку, взял вилку, отрезал маленький кусочек мяса и медленно положил в рот.

Я смотрела, как он жует. Как его лицо сначала остается неподвижным, а потом — я видела это — в его глазах что-то меняется. Словно тени, которые лежали там годами, начали рассеиваться. Словно внутри него, в самой глубине, зажглась искра.

— Даркэн? — тихо спросила я.

Он не ответил. Прожевал, проглотил, и положил вилку на стол.

— Ты чувствуешь вкус? — спросила я.

Он посмотрел на меня, и его глаза горели золотом.

— Я чувствую, — сказал он, и его голос был хриплым, почти благоговейным. — Я чувствую все. Пряность, горчинку, сладость. Травы. Это... невероятно.

Он поднялся из-за стола так резко, что стул отлетел назад. Я не успела испугаться, потому что он обошел стол, подошел ко мне, протянул руку, взял меня за пальцы и поднес к своим губам, поцеловал их.

— Алиса, — сказал он тихо. — Это ты. Это ты сделала.

— Я ничего не делала, — ответила я, испуганно.

— Ты сделала, — он не отпускал мои пальцы. — Созвучие. Оно возвращает меня к жизни. Ты — возвращаешь меня к жизни.

Я смотрела на него, и у меня перехватывало дыхание. Впервые я видела его таким. Открытым. Живым. Настоящим.

— Даркэн, — прошептала я.

— Я клянусь тебе, Алиса, — сказал он, не отпуская моих пальцев. — Я сделаю все, чтобы ты была счастлива. Если хочешь — попробуй все, что есть в этом мире. Я дам тебе все. Каждую звезду, каждую планету, каждый рассвет. Только скажи.

Он смотрел на меня так, будто я и есть его жизнь, его воздух, его причина дышать.

— Просто будь рядом, — сказала я тихо. — В этом мире я хочу быть рядом с тобой.

Я медленно встала из-за стола и провела ладонью по щеке. Его кожа была горячей, а глаза — полными золотого света.

— Ты первое, что я почувствовал за последние десятилетия, — прошептал он.

— Может, тогда мне нужно попробовать это? — улыбнулась я и, приподнявшись на цыпочки, поцеловала его.

Он ответил на поцелуй — и в этот раз он был уверенным, глубоким, наполненным благодарностью и желанием.

Я чувствовала, как в нем просыпается что-то новое, что-то, что он прятал под маской. И в этот момент я поняла — Созвучие действительно изменило все.

Оно изменило его.

И оно меняло меня.

Хорошие мои, пока мы ждем новую проду, предлагаю окунуться в мою книгу, на которую сегодня действует прокатная скидка 50%

Космический замуж. Долгожданная Землянка

https://litnet.com/shrt/xE4B

— Кто ты? – прошептала я, и мой собственный голос прозвучал сипло и неузнаваемо.

Он наклонился ближе. Его дыхание, с запахом озона и далеких звезд, обожгло мои губы.

— Ксандер ван Тор. – Он сделал крошечную паузу, и в его горящих глазах мелькнула тень чего-то сложного, почти мучительного. – И отныне ты моя жена. По праву Искры.

Я сбежала от бывшего мужа-тирана и спряталась на другой планете.

Обжилась и начала жизнь заново.

Но в одну из моих рабочих смен, все пошло не так...

Собиралась никогда больше не заводить серьезных отношений, а загремела замуж!

И мало того, что меня тянет к огненному незнакомцу, который стал моим супругом, так ещё и его брат тоже на меня претендует!

И всему виной какая-то Искра… чтоб её.

Глава 18. Это не подарок, это обещание.

— Я хочу подарить тебе кое-что, — сказал он и протянул мне небольшую бархатную коробочку. Его пальцы дрогнули, когда он передавал её мне. Совсем чуть-чуть, почти незаметно. Но я заметила. Я замечала каждую его мелочь.

— Что это? — спросила я, переводя взгляд с коробочки на него. Мои пальцы уже сами тянулись к бархату, но я хотела сначала услышать его голос. Тот самый - тихий, глубокий, с хрипотцой, которая появляется, только когда он рядом со мной.

— Открой, Алиса. Я хочу увидеть твою реакцию.

Я кивнула и взяла коробочку. Бархат был мягким, тёплым, словно он хранил его тепло. Когда я открыла её, у меня перехватило дыхание.

Внутри лежало колье. Оно было сделано из камней, которых я никогда раньше не видела — глубокого синего, почти чёрного цвета, а внутри них мерцали золотые искры. Как звёзды в ночном небе, застывшие в камне. Они были соединены тонкой золотой цепочкой, которая казалась почти невесомой. Искусная работа. Дорогая. Сделанная с любовью.

— Это астралит, — сказал он, и я услышала в его голосе гордость. Не за себя, а за свою планету. — Самый редкий камень на нашей планете. Говорят, что он хранит свет двух солнц. Я хочу, чтобы ты носила его. Как знак того, что ты теперь часть этого мира.

Он замолчал. Потом добавил, чуть тише:

—- … и часть меня.

Я подняла на него глаза и увидела, что он смотрит на меня с надеждой. Странно. Владыка Звёздной Империи, который боится, что его подарок будет отвергнут. Неужели, и правда, я ему так важна.

— Даркэн, — сказала я, и мой голос дрогнул. — Это слишком дорогой подарок.

— Ничего в мире не может быть слишком дорогим для тебя, — ответил он, и в его голосе я услышала сталь. — Ты не вещь, Алиса и не рабыня. Больше нет. Ты — та, ради которой я готов отдать всё.

Я смотрела на него и не могла произнести ни слова. Мои глаза защипало.

Он взял колье из коробочки и встал. Подошёл ко мне сзади, и я почувствовала его дыхание на своей шее. Он застегнул колье и дотронулся до моей кожи так бережно, словно боялся поранить меня.

Камни коснулись моей шеи и я вздрогнула. Они были тёплыми. Живыми. Как будто они действительно хранили внутри себя свет солнц.

— Тебе идёт. Ты прекрасна в нём.

Я повернулась к нему. Взяла его руки в свои.

— Спасибо, Даркэн.

— Не благодари. Это не подарок, это обещание. Я клянусь тебе, Алиса: я сделаю всё, чтобы ты была счастлива. Если ты захочешь уйти — я отпущу тебя. Но если ты захочешь остаться — я сделаю тебя самой счастливой женщиной во всей галактике.

Я не знала, что ответить. Поэтому, просто прижалась к нему, уткнувшись лицом в его грудь. И он обнял меня. Сильно, надёжно, словно боялся, что я исчезну.

— Я хочу кое-что тебе показать, — сказала я, отстраняясь и глядя на него с озорством, которого я сама в себе не ожидала.

— Что? — спросил он, слегка нахмурившись. Но все же любопытство взяло вверх, потому что его глаза засияли.

Я взяла его за руки и спросила.

— Ты знаешь, что такое танцы?

Он нахмурился сильнее. Брови сошлись на переносице, и он покачал головой.

— Я слышал о них, — сказал он с легкой усмешкой, — но я никогда не танцевал. Это не занятие для Владыки. Слишком развязно. Слишком... несерьёзно.

Я улыбнулась.

— Тогда я научу тебя, — сказала я и, не давая ему возразить, подошла к стеновой панели. Я видела, как управлялся с ней Альрик. Я нажала на нужный сенсор и сказала:

— Включи музыку. Что-нибудь романтичное.

Из динамиков полилась мелодия. Мягкая, тягучая, с переливами струн и звоном колокольчиков. Она была незнакомой, но красивой. Она обволакивала, заставляла забыть о времени и пространстве.

Я повернулась к Даркэну. Он стоял на месте, смотрел на меня, и я видела, как его руки сжались в кулаки. Он не знал, что делать. Он, который командовал армиями, который решал судьбы планет, стоял передо мной и не знал, куда деть руки. И в этот момент он казался мне почти мальчишкой. Растерянным и смешным. И до безумия притягательным.

— Иди сюда, — сказала я, протягивая ему руку. — Я покажу тебе, что нужно делать.

Он неуверенно сделал шаг, потом второй. Я взяла его руку и положила себе на талию. Его ладонь была горячей — слишком горячей, словно он сдерживал внутри себя огонь. Я почувствовала, как он вздрогнул, как его пальцы сжались на моей талии чуть сильнее, чем нужно.

— Теперь, — сказала я, пытаясь успокоить дыхание, — держи меня за руку второй рукой.

Он послушался. Его пальцы переплелись с моими, и я почувствовала, как его пульс — быстрый, рваный — отдаётся через его ладонь.

— И просто следуй за мной, — сказала я. — Один шаг вперёд, один шаг назад. Всё просто.

Я начала двигаться. Я вела его в танце. Медленно, чтобы он успевал. Он следовал за мной, сначала неуклюже, тяжело ступая, наступая мне на ноги. Он шагнул не туда, и я почувствовала, как его рука на моей талии напряглась.

— Не торопись, — сказала я, стараясь не рассмеяться. — Просто чувствуй музыку.

— Я не умею чувствовать музыку, — проворчал он, но его голос был мягким.

— Просто слушай, — сказала я, поднимая на него глаза. — И следуй за мной. Мы медленно кружили по залу под звуки мелодии. Свет свечей мерцал на наших лицах и отражался в его золотых глазах. Его рука на моей талии становилась увереннее, его шаги — ровнее. Он смотрел на меня, и я видела, как тает его защита, как открывается что-то, что он прятал под маской. Что-то настоящее.

— Ты смотришь на меня так, будто я — единственная женщина во всей галактике, — сказала я, улыбнувшись.

— Ты и есть единственная, — ответил он спокойно. — Я никогда не чувствовал себя таким живым, Алиса. Ты — первая, кто видит меня не как Владыку, а как мужчину.

Я чувствовала его близость, его тепло, его дыхание. И в этом танце, в этом моменте, я поняла, что между нами происходит нечто большее, чем просто Созвучие. Это было нечто такое, что я не могла объяснить словами.

Музыка стихла и мы остановились.

— Скажи мне, Даркэн, — прошептала я. — Что ты чувствуешь? Прямо сейчас.

Я видела, как его глаза горят, как он борется с собой, как слова рвутся наружу. Он не привык говорить о чувствах. И всё же он пытался.

— Я чувствую, что не могу дышать без тебя, — наконец сказал он. — И это пугает меня больше, чем всё, что я когда-либо знал.

Он сделал шаг вперёд, сжимая мою руку в своей.

— Я чувствую, что ты — единственная, кто видит меня настоящего, — продолжил он. — Не Владыку. Не повелителя. Просто мужчину, который боится потерять тебя.

Я подняла руку и коснулась его щеки. Кожа под моими пальцами была горячей, и я почувствовала, как он задержал дыхание.

— Ты не потеряешь меня, — ответила я. — Я здесь. Я никуда не уйду. Я хочу быть рядом с тобой.

Он накрыл мою ладонь своей. Поцеловал её.

— Ты не знаешь, что говоришь, — прошептал он и коснулся пальцами моей щеки.

— Я просто хочу быть с тобой. По своей воле. Ты дал мне это, Даркэн. Ты дал мне выбор.

Он смотрел на меня. Золото в его глазах пульсировало, и я чувствовала, как оно отзывается во мне. Как Созвучие становится сильнее, горячее, ощутимее. Как оно тянет нас друг к другу, как невидимая нить, соединяющая наши души.

Потом он шагнул ко мне и поцеловал меня. На этот раз поцелуй был другим. Горячим, жадным и полным желания.

Он прижал меня к себе, и я почувствовала, как его руки скользят по спине, касаются позвоночника и опускаются на бёдра. Я чувствовала его силу и дыхание на своей шее.

— Алиса, — прошептал он между поцелуями. — Я хочу тебя. Ты нужна мне. Я больше не могу без тебя.

— Я тоже тебя хочу, — выдохнула я ему в губы, сильнее прижимаясь к нему.

Он подхватил меня на руки. Я обвила его шею, чувствуя, как его сердце бьётся в унисон с моим.

— Куда мы? — спросила я.

— В спальню, — ответил он, и его голос был низким и хриплым. — Я хочу, чтобы ты была рядом со мной. Этой ночью.

Я прижалась к нему.

В его объятиях я чувствовала себя в безопасности. В его объятиях я чувствовала себя дома. Он понёс меня через зал, и я слышала, как стучат наши сердца — в одном ритме, в одной тональности. Я чувствовала его решимость, его желание, и я знала: этой ночью всё изменится. И я хотела этого. Потому что впервые за долгое время я не боялась будущего. Я хотела его… с ним.

Хорошие мои, пока мы ждем новую проду, предлагаю окунуться в мою книгу, на которую сегодня действует прокатная скидка 50%

Мой суровый командор

https://litnet.com/shrt/AqvP

В День всех влюбленных я планировала напиться в одиночестве и жалеть себя. Но вместо этого на мою ветклинику рухнул космический корабль с самым красивым мужчиной галактики на борту.

Теперь я лечу его инопланетного питомца. Стараюсь не думать о том, как он целуется. И надеюсь, что свой шаттл он будет чинить очень, очень долго.

Глава 19. Идиллия под угрозой

Прошёл месяц.

Месяц, который изменил всё.

Я проснулась от того, что солнечный свет проникал сквозь прозрачные стены, заливая комнату мягким фиолетово-золотым сиянием. Два солнца Астракора уже поднялись над горизонтом, и их лучи танцевали на покрывалах, согревая мою кожу.

Я повернула голову.

Даркэн спал рядом. Его дыхание было ровным, глубоким, и я смотрела на его лицо, расслабленное во сне, без маски Владыки, без напряжения, без той холодной стали, которую он надевал каждый день.

Во сне он был просто мужчиной. Моим мужчиной.

Я протянула руку и коснулась его щеки. Кожа была тёплой, колючей от бороды, которую он никогда не сбривал. Он мгновенно отреагировал на моё прикосновение — его рука накрыла мою, сжала, притянула к губам.

— Доброе утро, — прошептал он, не открывая глаз.

— Доброе утро, Владыка, — улыбнулась я.

Он открыл глаза. Золото вспыхнуло в них — мягкое, тёплое, такое же, как свет за окном.

— Ты не спишь? — спросил он, притягивая меня ближе.

— Смотрю на тебя, — ответила я. — Привыкаю к тому, что ты настоящий.

— Я такой же настоящий, как и ты, — он поцеловал мои пальцы. — Ты будешь сегодня в медотсеке?

— Да, — кивнула я. — Эфир обещал показать мне новые данные по Созвучию. Мы почти нашли паттерны.

— Ты не устаёшь от этой работы? — спросил он, и в его голосе послышались нотки заботы.

— Нет, — покачала головой, глядя ему в глаза. — Я люблю ее. А ещё я чувствую, что нахожусь сейчас где-то близко у разгадке. Кажется, скоро, мы наконец-то узнаем, что с нами происходит.

— Ты невероятная женщина, — сказал он, садясь и проводя рукой по моим волосам. - которая помогла мне начать чувствовать. Снова.

Я улыбнулась, приподнялась и поцеловала его.

— Я люблю тебя, — вырвалось у меня прежде, чем я успела подумать. Мы никогда не говорили друг другу о своих чувствах. Но они были такими правильными, такими настоящими.

Он замер на мгновение. В его глазах мелькнуло удивление, а затем — что-то глубокое, тёплое, что он не мог скрыть.

— Я тоже люблю тебя, Алиса, — сказал он хрипло. — Больше всего в галактике.

Он прижал меня к себе, и мы лежали так, слушая, как бьются наши сердца в одном ритме. Я закрыла глаза и позволила себе просто быть счастливой.

Медотсек стал моим вторым домом. Я проводила там часы, изучая данные, которые давал мне Эфир, анализируя показатели и записывая свои наблюдения. Созвучие было сложным — оно жило в нас, дышало, менялось.

— Алиса, — голос Эфира раздался из динамиков, когда я вошла в отсек. — У вас новые данные.

Я села за терминал и посмотрела на экран.

— Показывай.

— Ваша связь с Владыкой стабилизировалась, — сказал Эфир. — Показатели в норме. Но есть одна аномалия.

Я замерла.

— Какая ещё аномалия?

— Ваш организм меняется, — ответил Эфир. — Гормональный фон изменился за последние две недели. Я провёл анализ и обнаружил, что вы беременны.

Мир вокруг меня остановился.

— Что… ты… обнаружил? — прошептала я.

— Вы беременны, Алиса, — повторил Эфир. — Срок — около трёх недель.

Я прижала руку к животу. К тому месту, где теперь росла новая жизнь. Жизнь, которую я считала невозможной.

— Но врачи сказали, что я бесплодна, — выдохнула я. — Маркус... он сломал меня. Уничтожил. Убил во мне все женское.

— Созвучие изменило ваше тело, — сказал Эфир. — Оно исцелило вас. Это редкий, но не уникальный случай.

Я смотрела на экран, не видя цифр. В моей голове крутилась одна мысль: я беременна. Я ношу его ребенка. Ребенка Владыки Даркэна.

— Алиса? — голос Эфира вернул меня к реальности. — Вы в порядке?

— Я... я не знаю, — ответила я. — Это невероятно. Я думала, что никогда не смогу иметь детей.

— Ваш организм восстановился, — сказал Эфир. — Но есть один важный момент.

— Какой?

— Беременность и Созвучие вместе — это неизведанная территория. Нет данных о том, как они взаимодействуют. Возможны осложнения.

Я почувствовала холодок в груди.

— Какие могут быть осложнения?

— Усиление Созвучия. Эмоциональная нестабильность. Возможная физическая слабость. Вам нужно наблюдение.

Я кивнула, хотя он не мог меня видеть.

— Я скажу Даркэну.

— Рекомендую не откладывать, — сказал Эфир. — Он должен знать, чтобы помочь и нанять команду специалистов для изучения.

Я вышла из медотсека и пошла по коридорам дворца. В моей голове крутились мысли о ребенке, о Даркэне, о том, как он отреагирует. Будет ли он счастлив? Или испугается? Он ведь никогда не говорил, что хочет детей.

Я почти дошла до его кабинета, когда увидела Альрика. Он стоял у двери с серьёзным выражением лица.

— Госпожа, — сказал он, кланяясь. — Владыка занят. У него важный гость.

— Гость? — переспросила я. — Кто?

— Лорд Малек, — ответил Альрик, и его голос дрогнул. — Правитель соседней системы Умбра.

Я почувствовала, как по спине пробегает холодок. Лорд Малек. Давний соперник Даркэна. Что ему нужно здесь?

— Я подожду, — сказала я. Альрик кивнул и отошел в сторону.

Я стояла у двери и ждала. Внутри меня боролись две новости: радость от беременности и тревога от неожиданного визита. Через несколько минут дверь открылась, и из кабинета вышел мужчина.

Он был высоким, бледным, с серебряными глазами, которые светились холодным светом. Его одежда была тёмной, элегантной, и он смотрел на меня так, будто видел меня насквозь. Я чувствовала, как Созвучие внутри меня напряглось, как будто предупреждало об опасности.

— Алиииисаааа, — прошипел он мое имя, и его голос был низким, похожим на змею. — Я много слышал о вас.

Я не ответила. Только смотрела на него, стараясь не показать страха.

— Владыка Даркэн говорил о вас, — продолжил он. — Но он не упомянул, что вы так прекрасны.

— Вы не представились, — сказала я холодно, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Кто вы и что вам нужно?

Он улыбнулся мне и от его ледяной улыбки по коже побежали мурашки.

— Простите мою невоспитанность, — сказал он, слегка склонив голову. — Я лорд Малек из дома Умбра. Правитель соседней системы. Я пришёл обсудить с Владыкой границы наших владений. Но теперь я вижу, что у нас есть ещё кое-что общее.

Его взгляд скользнул по моему животу, и я почувствовала, как внутри всё холодеет.

— Вы ждете ребенка? — спросил он тихо. — Интересно, очень интересно.

— Это вас не касается, — сказала я, сжав кулаки и машинально закрыла живот от опасности.

— О, нет! Вы ошибаетесь, о прекрасная Алиса. Очень даже касается, — ответил он. — Дети с силой Созвучия — очень редкий ресурс. Очень ценный.

— Убирайтесь, — сказала я, и мой голос стал твёрже.

Он поклонился, недовольно хмыкнул и ушёл, оставляя меня стоять в коридоре с чувством ледяной тревоги.

Глава 20. Тень войны

Я вошла в кабинет Даркэна. Дверь за моей спиной бесшумно закрылась, и я почувствовала, как воздух вокруг стал плотнее — кабинет герметично изолировался от остального дворца. Голографические панели на стенах мягко замерцали, переходя в режим приватности. Никто не мог нас слышать. Никто не мог войти.

Он стоял у окна, спиной ко мне. Чёрный костюм сидел на нём идеально, обтягивая широкие плечи, но я видела, как напряжены его мышцы, как сжаты кулаки. Он смотрел на город — на фиолетовое небо с двумя солнцами, на шпили, на бесконечный простор — но я знала, что он не видит ничего. Его мысли были где-то далеко.

— Даркэн, — позвала я тихо, делая шаг к нему. — Что этот человек здесь делал?

Он медленно повернулся. В его глазах была тревога — та тревога, которую он пытался скрыть за маской спокойствия, но я видела её. Я научилась видеть его настоящего. Того, кого он прятал от всего мира.

— Он ищет повод для войны, — сказал он, и его голос был низким, напряжённым, как струна перед тем, как лопнуть. — Малек всегда искал возможность расширить свои владения. Но сегодня он был другим. Он чувствует, что ты изменила меня — пробила брешь в моей обороне. Той стене, которую я строил десятилетиями. Теперь я не просто воин. Теперь я мужчина, который боится за женщину, которую любит.

Он замолчал, и я видела, как его руки сжались в кулаки. Как он пытается справиться с этим признанием.

— Раньше я не боялся ничего, — продолжил он, и его голос стал тише. — Смерть была просто ещё одним врагом. Поражение — ещё одним уроком. Но теперь… теперь я боюсь, что не смогу защитить тебя. Боюсь, что моя любовь к тебе станет моей слабостью. И что Малек использует это против нас.

Он подошёл ко мне, взял мои руки в свои. Его ладони были холодными, и я чувствовала, как он дрожит.

— Ты сделала меня слабее, Алиса, — сказал он, и в его голосе послышалась горечь. — Но ты также сделала меня сильнее. Я готов сражаться за тебя так, как никогда не сражался за себя. Я готов уничтожить всё, что встанет между нами.

Я смотрела на него и видела, как его глаза горят золотом — не агрессивным, а тёплым, живым.

— Ты не слабее, Даркэн, — сказала я, сжимая его руки. — Ты стал человечнее. И это делает тебя сильнее. Потому что теперь у тебя есть ради чего жить.

Он притянул меня к себе и обнял, уткнулся носом в мои волосы. Я чувствовала, как громко бьётся его сердце.

— Я люблю тебя, — прошептал он. — И я не позволю никому отнять тебя у меня.

Я крепче прижалась к нему, вдохнула его аромат и ощутила, что в этих объятиях я в полной безопасности. Я чувствовала себя как дома.

Несколько мгновений мы стояли молча, слушая, как бьются наши сердца в одном ритме. Я знала, что он тоже чувствует это — ту тишину, которая говорит больше любых слов.

Потом он отстранился, но не отпустил мои руки. Посмотрел мне в глаза, и я увидела, как его взгляд становится серьёзным.

— Созвучие. Оно создаёт энергетический след. Малек — один из немногих, кто способен его уловить. Он знает, что я связан с кем-то. Он хочет понять, кто ты и какую угрозу можешь представлять для него.

— Я представляю угрозу? — спросила я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— Ты — самая большая угроза, которую я когда-либо встречал, — сказал он, и я видела, как его глаза потемнели. — Ты угроза для моего контроля. Для моей холодности. Для той стены, которую я строил всю жизнь. Ты разрушаешь её — и я позволяю тебе это делать.

Он провёл рукой по лицу, будто пытаясь стереть усталость.

— Малек чувствует это. Он знает, что я изменился. И он хочет понять, чем ты так опасна для его планов.

Я смотрела на него и чувствовала, как внутри всё сжимается.

— О чём вы говорили?

— О границах, — сказал он, и в его голосе послышалась горечь. — Он требовал, чтобы я уступил ему часть системы Вэлиан. Я отказался. Тогда он начал говорить о тебе. О том, что слышал, будто у меня появилась женщина. Женщина, которая изменила меня.

— Что он знает обо мне? — спросила я, чувствуя, как сердце начинает биться быстрее.

— Он знает, что ты существуешь, — ответил Даркэн, и его глаза потемнели. — Но он не знает, кто ты. Он не знает о Созвучии… пока. Я надеюсь.

Он замолчал. Я видела, как он борется с собой, как слова рвутся наружу. Его пальцы сжались в кулаки, побелели костяшки.

— Он говорил, что хочет встретиться с тобой, — наконец сказал он, и я услышала в его голосе сталь. — Я отказался. Я сказал ему, что ты — моя личная гостья и не имеешь отношения к политике. Что ты не представляешь интереса для его дел.

— Он угрожал тебе? — спросила я, чувствуя, как внутри всё сжимается от его слов.

— Он всегда угрожает, — ответил Даркэн с горькой усмешкой, которая не коснулась его глаз. — Это его стиль. Но сегодня он был… настойчивее обычного. Он рассказывал о древних силах и тайнах, которые мне даже сложно представить. Он намекнул, что ты — ключ к чему-то большему.

— Я? — удивилась я, и в моём голосе послышалось недоверие. — Ключ?

— Так он сказал. Я чувствую, что он что-то задумал. Он всегда что-то задумывает.

Он подошёл ко мне и взял мои руки в свои.

— Алиса, — сказал он, и его голос стал мягче, но в нём звучала сталь. — Я не позволю ему причинить тебе боль. Ты слышишь меня? Я не позволю. Я скорее сожгу его империю дотла, чем позволю ему прикоснуться к тебе.

Я смотрела на него и видела в его глазах ту же решимость, что чувствовала в себе. Он был готов сражаться за меня. За нас. За то, что мы построили.

— Даркэн, — сказала я тихо, поднимая на него глаза. — Он знает о ребенке.

Он замер. Его глаза расширились, и я увидела, как страх отразился в них — чистый, первобытный страх, который он не мог скрыть.

— Что? — спросил он, и его голос сорвался. — Каком ребенке?

Я взяла его руки и прижала к своему животу. Мои пальцы дрожали, но я смотрела ему прямо в глаза.

— Я беременна, — сказала я. — Наш ребенок. Я только что узнала от Эфира.

Он смотрел на меня, и я видела, как в его глазах вспыхивали эмоции: удивление, страх, а потом — чистая, огромная радость, залившая его лицо и растворившая напряжение. Его руки лежащие на моём животе, дрожали.

— Алиса, — выдохнул он, притягивая меня к себе. — Это невероятно. Я даже не знал, что это возможно.

— Я тоже, — ответила я, чувствуя, как его тепло разливается по моему телу, согревая меня изнутри. — Но Эфир сказал, что Созвучие исцелило меня. Оно восстановило моё тело. Теперь я снова могу иметь детей.

Владыка прижал меня к себе и я почувствовала, как его сердце бьётся в такт моему. Он уткнулся лицом в мои волосы, и я услышала, как он прошептал:

— Я сделаю всё, чтобы защитить тебя и нашего ребенка. Слышишь? Я обещаю тебе. Клянусь своей жизнью.

Глава 21. Привет, дорогая бывшая женушка!

Через пару дней, мы завтракали на террасе — я, Даркэн и Тень, которая лежала у моих ног, изредка поглядывая на меня своими тремя парами глаз. Ветер приносил запах цветов из сада, и я чувствовала, как внутри меня разливается странное спокойствие.

— Ты сегодня идёшь в медотсек? — спросил Даркэн, отрезая кусочек фрукта.

— Да, — ответила я, улыбнувшись. — Эфир обещал показать мне новые данные. Мы почти нашли способ стабилизировать Созвучие.

Он улыбнулся в ответ, и я увидела, как его глаза засияли тёплым золотом.

— Ты невероятная женщина. Ты делаешь то, что никто не мог сделать за столетия.

— Я просто хочу, чтобы мы были в безопасности, — ответила я. — И наш ребёнок тоже.

Он взял мою руку в свою и поцеловал её.

— Обещаю тебе, Алиса, что сделаю все от меня зависящее, чтобы это место было максимально защищенным.

В этот момент воздух вокруг нас изменился.

Сначала я почувствовала это кожей — лёгкую вибрацию, которая пробежала по всему телу. Потом услышала звук — низкий, пульсирующий гул, который шёл отовсюду и ниоткуда одновременно. Тень вскочила на ноги, зарычала, и её шерсть встала дыбом.

— Что это? — спросила я, вставая.

Даркэн уже был на ногах. Его глаза вспыхнули золотом, и я увидела, как он напрягся.

— Системы безопасности, — сказал он, и его голос стал низким и опасным. — Кто-то пытается проникнуть во дворец.

Я почувствовала, как внутри всё холодеет.

— Кто?

— Я не знаю, — ответил стальным голосом. — Но я узнаю.

Он нажал на браслет на запястье, и голографический экран засветился перед ним.

— Альрик, — сказал он. — Докладывай.

Взволнованный голос управляющего раздался из динамиков.

— Владыка, системы безопасности зафиксировали нарушение периметра. Неизвестный проник в сад. Мы пытаемся его идентифицировать. Охрана задействована и прочесывает периметр.

— Я иду, — ответил Даркэн. — Алиса, оставайся здесь. Никуда не уходи.

— Нет, — сказала я, хватая его за руку. — Я не останусь здесь одна. Мне страшно.

— Алиса...

— Я не буду сидеть и ждать, пока кто-то пытается убить нас, — сказала я дрожащим голосом и схватила его за руку. — Я иду с тобой.

—Ты не отступишь, да? - сурово спросил он и я поняла, что он боится оставлять меня одну. И в тоже время, брать меня с собой ещё опаснее.

Но все же он решил и наконец-то кивнул.

— Держись за меня, — прохрипел он вдруг напряженным голосом. — И слушай, что я говорю. Если я скажу бежать — ты бежишь. Не оглядываясь. Если я скажу упасть на землю и закрыть голову руками – ты падаешь. Поняла?

— Поняла, — согласилась я.

Мы побежали по коридорам дворца. Тень бежала рядом, и я чувствовала, как она скалится, готовая защищать меня.

Когда мы вышли в сад, я увидела его.

Мужчина стоял посреди цветущих деревьев. Он был одет в тёмный костюм, и его лицо было скрыто капюшоном. Но я узнала его по походке. По тому, как он стоял. По тому, как сжимались его кулаки.

Я замерла от того, что моё сердце перестало биться. Я не могла дышать. Мне стало физически плохо.

— Маркус, — выдохнула я. - Это Маркус. Мой бывший муж.

Он поднял голову. Снял капюшон, и я увидела его лицо — холодное, злое, с ненавистью в глазах.

— Привет, дорогая бывшая женушка, — сказал он, и его голос был таким же, как я помнила. — Скучала по мне, киска?

Я чувствовала, как мир рушится вокруг меня. Все, что я выстраивала все эти месяцы, в одно мгновение сломалось.

— Ты… что ты здесь делаешь? — спросила я дрожащим голосом.

— Я пришёл за тобой, — ответил он с улыбкой, от которой у меня побежали мурашки. — Ты думала, что сможешь сбежать от меня? Что ты сможешь забыть всё, что между нами было?

— Ты не прикоснёшься к ней, — сказал Даркэн, и его голос был ледяным. Он сделал шаг вперёд, закрывая меня собой.

Маркус усмехнулся.

— Владыка Даркэн, — сказал он, и в его голосе послышалась насмешка. — Я слышал о вас. Но вы не можете защитить её от того, что уже началось.

Он щёлкнул пальцами, и вокруг нас выросла прозрачная стена — мерцающий купол, который отрезал нас от остального мира. Я видела, как охранники бегут к нам, но они натыкались на невидимую преграду. Их голоса не доносились до нас.

— Что это? — спросила я, чувствуя, как внутри всё холодеет.

— Технология лорда Малека, — ответил Маркус. — Энергетический купол. Никто не войдёт и никто не выйдет. Мы здесь только мы трое. Ну и этот зверь, — он кивнул на Тень, которая бешено рычала, пытаясь прорваться к нему.

— Ты не сможешь уйти отсюда, — сказал Даркэн, и его голос был спокоен, но в нём звучала сталь.

— Я и не собираюсь уходить, — ухмыльнулся Маркус. — Я забираю то, что принадлежит мне. Всегда принадлежало.

Он поднял руку, и я увидела, что в ней он держит какой-то артефакт — маленький, сверкающий чёрным светом.

— Что это? — спросила я, чувствуя, как внутри всё холодеет.

— Это подарок от лорда Малека, — ответил Маркус. — Чтобы вы не думали, что умнее его. Этот артефакт блокирует Созвучие. Конечно всего лишь на время. Но этого достаточно, чтобы я смог забрать тебя с собой.

Я почувствовала, как внутри меня что-то сжалось, как Созвучие, к которому я привыкла, начало исчезать, словно кто-то перекрыл мне кислород.

— Нет, — прошептала я. - Нет! Пожалуйста, не надо.

Даркэн дернулся и ринулся вперёд, но Маркус активировал артефакт. Чёрная волна ударила в нас, и я почувствовала, как меня отбрасывает назад. Я упала на землю, и мир вокруг меня померк.

Я видела, как Даркэн пытается пробиться сквозь чёрную волну, как он кричит моё имя, но его голос становится всё тише, всё дальше.

А потом я увидела, как Маркус выхватывает оружие — маленький, чёрный бластер — и наводит его на Даркэна.

— Нет! — закричала я, пытаясь встать, но силы покидали меня.

Маркус выстрелил.

Я увидела, как синий луч ударил Даркэна в грудь. Как его глаза расширились, как он схватился за рану. Он пошатнулся, упал на колени, и я видела, как кровь течёт сквозь его пальцы, окрашивая белую рубашку в алый цвет.

— Даркэн! — закричала я, и мой голос разорвал тишину. — Нет!

Он посмотрел на меня — его глаза горели золотом, но я видела, как они угасают. Он пытался сказать что-то, но не мог.

— Алиса, — прошептал он, и его голос был тихим, почти беззвучным. — Я найду тебя. Я обещаю.

Маркус подошёл ко мне, схватил за руку и притянул к себе.

— Теперь ты моя, — прошептал он. — В общем-то, как и всегда.

Я пыталась бороться, но силы покидали меня. Созвучие исчезало, и вместе с ним исчезала моя связь с Даркэном. Я чувствовала, как он становится дальше, как его голос затихает.

— Даркэн, — прошептала я. — Помоги мне.

Но он не слышал меня.

Я видела, как Тень бросается на Маркуса, но он отбрасывает её ударом ноги. Щенок падает, скулит, но пытается встать. Маркус снова направляет на неё бластер.

— Не смей! — закричала я, и он усмехнулся, опуская оружие.

— Жалкая тварь, — сказал он, и я видела, как его глаза сверкают ненавистью. — Сдохнет без хозяина.

Маркус потащил меня через сад. Я видела, как Даркэн падает на колени, как он пытается встать, но рана слишком серьезна. Чёрная волна не отпускает его. Невидимые путы словно сковывали каждое его движение.

Я закрыла глаза и почувствовала, как мир вокруг меня исчезает.

Когда я очнулась, мне показалось, что я нахожусь в каком-то незнакомом месте.

Тёмные стены, холодный воздух, запах металла и чего-то гнилого. Я лежала на койке, и мои руки были связаны.

— Пришла в себя? — услышала я голос Маркуса.

Я повернула голову и увидела его. Он сидел в кресле напротив меня, и на его лице блуждала улыбка, от которой мне становилось дурно.

— Где я? — спросила я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— На корабле лорда Малека, — ответил он. — Скоро мы будем на Умбре. Там ты встретишься с ним. Он ждёт не дождется когда же сможет с тобой обстоятельно поговорить..

Я почувствовала, как внутри всё холодеет.

— Даркэн найдёт меня, — рявкнула я, пытаясь совладать с той яростью, что просыпалась внутри меня. - И вытащит отсюда.

Маркус усмехнулся.

— Он не сможет, — сказал он. — Артефакт заблокировал Созвучие. Он не чувствует тебя. Ты для него — как мёртвая. Он не знает, где ты. И ты видела, что с ним стало. Он, возможно, уже мёртв.

Я закрыла глаза и почувствовала, как слёзы текут по моим щекам и скатываются по вискам.

Я была одна. Вдали от любимого мужчины. Вдали от дома.

И я не знала, сможет ли он найти меня. Найти… когда-нибудь.

Глава 22. Ярость Владыки

Я лежал на земле, и моя кровь всё ещё текла сквозь пальцы, окрашивая траву в алый цвет. Боль была острой, пульсирующей, но она была ничем по сравнению с той пустотой, которая разверзлась внутри меня.

Моя избранная исчезла.

Созвучие, которое я привык чувствовать каждое мгновение — её тепло, её дыхание, её присутствие — просто исчезло. Как будто кто-то вырвал часть моей души и унёс с собой. Я слышал, как кричат охранники, как они бегут ко мне, как Тень скулит рядом, пытаясь лизнуть моё лицо. Я слышал их голоса, но не мог понять слов. Я слышал только одно: тишину.

— Владыка! — голос Альрика прорвался сквозь пелену. — Медиков сюда! Быстро!

Я попытался встать, но ноги не слушались. Рана была глубокой, бластерный луч прожёг мышцы, и я чувствовал, как кровь заливает мою рубашку. Я знал, что рана серьёзная, что я могу истечь кровью, если не остановить её. Но я не мог думать о себе.

— Не двигайтесь, Владыка, — сказал кто-то, склоняясь надо мной. — Мы сейчас…

— Она, — прохрипел я, и мой голос был чужим, хриплым. — Где она?

Никто мне не ответил.

Я поднял голову и увидел, как охранники мечутся по саду, как пытаются пробиться сквозь остатки чёрной энергии, которая окутывала место похищения. Она ушла. Её больше не было. Она была там, где я не мог её защитить.

— Владыка, — Альрик опустился на колени рядом со мной. — Она… ваша супруга… её нет. Мы не можем её найти.

— Это был Маркус, — сказал я, сжимая кулаки. Кровь сочилась сквозь пальцы, но я не чувствовал её. Внутри разливалась лишь ненависть. — Маркус… её бывший муж.

— Мы знаем, — ответил Альрик, и в его голосе послышалась горечь. — Но мы не можем найти след. Системы безопасности не фиксируют ничего. Он ушёл так же бесшумно, как пришёл.

Я закрыл глаза и почувствовал, как мир вокруг меня рушится.

Впервые за всю свою жизнь я чувствовал себя беспомощным. Я видел её испуганные глаза, слышал её крик, но не мог защитить её. Моя ярость была такой сильной, что я думал, что взорвусь, если не сделаю хоть что-то.

— Помогите мне встать, — сказал я, и мой голос был твёрдым, несмотря на боль.

— Владыка, вы ранены…

— Помогите мне встать! — рявкнул я, и мой голос разнёсся по саду.

Охранники подхватили меня, помогли подняться. Я стоял, шатаясь, прижимая руку к ране, и смотрел на то место, где стояла она. Я знал, что я не могу остановиться. Я должен найти её, даже если это будет стоить мне жизни. Той жизни, которая была бессмысленна без нее.

Медицинский отсек был наполнен тишиной.

Я сидел на койке, пока врачи обрабатывали мою рану и не обращал внимания на боль. Внутри меня разливалась пустота, которая становилась всё больше и больше и я боялся только одного, что если я не найду Алису, эта пустота поглотит меня целиком.

— Владыка, — сказал врач. — Рана серьёзная, но вы выжили. Но я должен предупредить вас: бластерный луч такого типа оставляет глубокие повреждения. Вам нужно время, чтобы восстановиться. И если…

— Созвучие, — перебил я врача. — Оно заблокировано. Я ничего не чувствую.

Врач замолчал. Я знал, что он не знает, что делать. Никто не знал. — Нам нужно найти способ разблокировать его.

— Мы не знаем, как это сделать, – ответил врач пожав плечами. — Это древняя технология. Мы не можем её воспроизвести.

— Тогда я найду того, кто сможет, — рявкнул я взглянув на него с невероятной ненавистью, на которую был способен. — Я найду свою любимую и сниму блокировку.

Я встал, несмотря на предупреждения врача. Моё тело болело, каждая мышца кричала о том, что я должен остановиться. Но я не мог. Я чувствовал только пустоту и ярость. Я не мог позволить себе быть слабым. Я должен был быть сильным ради неё.

— Свяжитесь с моим флотом, — сказал я Альрику, который стоял у двери. — Я хочу, чтобы они были готовы к вылету через час.

— Владыка, — сказал Альрик. — Вы не можете лететь. Ваша рана…

— Я сказал – через час! — рявкнул я, и в моём голосе было столько ярости, что управляющий отшатнулся. – Не становись у меня на пути Альрик. Сейчас, я могу убить кого угодно. И я не хочу, чтобы это был ты.

Альрик в мгновение побелел и отшатнулся, а потому судорожно закивал.

— Я найду тебя, любимая, — прошептал я. — Я переверну всю галактику. Сожгу дотла империю Малека, но я найду тебя. И привезу домой.

Флот Астракора вышел из гиперпространства через шесть часов.

Я стоял на мостике своего флагманского корабля – огромного, тёмного, с золотыми вставками.

Я чувствовал, как ярость сжигает меня изнутри, подпитывая мою решимость идти до конца.

— Владыка, — ко мне повернулся старший помощник. — Мы вошли в систему Умбра. Сенсоры фиксируют несколько кораблей Малека. Они готовятся к обороне.

— Я знаю, — прохрипел я. Я чувствовал это. Созвучие, несмотря на блокировку, давало мне смутное чувство направления — как слабый огонёк в темноте, который указывал мне путь. Я мог чувствовать её только тогда, когда я был близко. И я знал, что она ждёт меня.

— Какой будет приказ?

Я повернулся к офицеру, и ярость, которую я сдерживал все эти часы, выплеснулась наружу.

— Я приказываю открыть огонь по всем кораблям, которые встанут у нас на пути, — сказал я. — Я хочу, чтобы каждый, кто посмел прикоснуться к ней, узнал, что такое гнев Владыки Астракора.

— Мы будем сражаться до последнего, — ответил офицер и кивнул. В его глазах была такая преданность и обожание, что мне стало не посебе. Они готовы были отдать жизнь за мою избранную и я был им за это благодарен.

Мой флот начал атаку.

Корабли Малека пытались защищаться, но они не были готовы к такой ярости. Я стоял на мостике и смотрел, как мой флот уничтожает врага, как взрывы освещают темноту космоса. Я чувствовал, как каждый взрыв приносит мне облегчение, как моя ненависть становится сильнее.

— Мы прорвёмся, — сказал я тихо. — Я найду тебя, Алиса. Я обещал.

Я сжал руку и почувствовал, как боль от раны напоминает мне о том, что я всё ещё жив. И о том, что я должен жить ради неё. Я не могу позволить себе умереть. Я должен найти её и вернуть домой.

— Владыка, — сказал мой старший помощник. — Мы прорвали оборону. Корабль Малека на связи.

— Соедините меня с ним.

Экран засветился, и я увидел лицо Малека — бледное, с серебряными глазами, в которых светилась насмешка.

— Владыка Даркэн, — сказал Малек. — Я знал, что вы придёте. Не думал, что так быстро. Но все равно, я вам рад. Что вам нужно?

— Где она? — спросил я, и мой голос был холодным, как лёд.

— Она в безопасности, — ответил Малек. — Она в моих руках. И она останется там, пока вы не согласитесь на мои условия.

— Я не буду вести с тобой переговоры, — прохрипел я. — Я пришёл забрать свою жену. И если ты встанешь у меня на пути, я уничтожу тебя.

— Я знаю, что вы чувствуете, Владыка, — усмехнулся Малек. — Созвучие заблокировано, поэтому вы не чувствуете её. Вы не знаете, жива она или мертва. Вы не знаете, страдает ли она.

— Она жива. Я чувствую это и я приду за ней. Даже если мне придётся пройти сквозь ад.

— Я знаю, что ты чувствуете, Даркэн, — усмехнулся Малек, и его улыбка была ледяной. — Созвучие заблокировано, поэтому вы не чувствуете её. Вы не знаете, жива она или мертва. Вы не знаете, страдает ли она. Сейчас она в моих руках, и я могу сделать с ней всё, что захочу. Но знаете, что самое интересное? Даже если она жива — она умрёт. Без вас. Потому что, если я убью её, вы умрёте следом. Созвучие не прощает потери. Вы связаны — и если один падает, второй падает вслед за ним. Так что я не просто держу её в заложниках, Владыка. Я держу в заложниках вашу жизнь. Подумайте об этом.

Я сжал кулаки так сильно, что ногти впились в ладони. Моя ярость была такой сильной, что я с трудом сдерживал себя.

— Она жива, — сказал я, и мой голос был твёрдым, несмотря на боль. — Я чувствую это. И я приду за ней. Даже если мне придётся пройти сквозь ад. Ты не сможешь остановить меня, Малек. Я сожгу твою империю дотла, я уничтожу всё, что тебе дорого, но я верну её.

Малек усмехнулся, но в его глазах я увидел тень сомнения.

— Посмотрим, Владыка, — сказал он. — Посмотрим, кто из нас сильнее.

Глава 23. В логове зверя.

Я проснулась от холода.

Он проникал сквозь кожу, пронизывал мышцы, добирался до самых костей. Я открыла глаза и увидела серый потолок с тёмными разводами. Воздух был сырым и тяжёлым, пахло металлом, пылью и чем-то сладковато-гнилым, от чего тошнота подступила к горлу.

Я попыталась сесть, и мир вокруг меня качнулся. Голова гудела, словно внутри неё били колокола, и я не сразу поняла, где нахожусь. Только когда я увидела свои руки — связанные, с красными следами от верёвок, — в мою память ворвался обрывок воспоминания.

Сад. Бывший муж. Выстрелы. Даркэн, падающий на колени с кровью на рубашке.

Моё сердце сжалось от боли, и я почувствовала, как на глаза наворачиваются слёзы.

Тихо, спокойно. Дыши Алиса, дыши! Глубокий вдох и медленный выдох.

Я должна быть сильной. Ради Владыки, ради нашего ребенка.

Я сделала еще один вдох, стерла связанными запястьями слёзы с щек и огляделась.

Комната была маленькой, с голыми металлическими стенами, на которых виднелись следы ржавчины. Койка, на которой я лежала, стояла в углу. Больше здесь ничего не было. Ни окон, ни мебели. Только дверь — массивная, с единственным глазком, за которой, кто-то находился. Я чувствовала чей-то взгляд и запах — тот самый, гнилостный, который заполнял всё пространство и заставлял меня задыхаться. Я не слышала, как открылась дверь. Маркус просто появился в проёме, как тень, бесшумный и скользкий, с ленивой усмешкой на тонких губах. В руках он держал стакан с мутной жидкостью и медленно потягивал её, наслаждаясь моим состоянием.

— Очнулась, дорогая? — раздался голос, от которого у меня по спине побежали мурашки. — Нравится твоё новое жильё? Не так роскошно, как во дворце твоего Владыки, но согласись, здесь уютно, правда?

— Даркэн придёт за мной, — сказала я, и мой голос был твёрдым, хотя внутри всё дрожало. — Он уничтожит тебя, урод. И хозяина твоего тоже. От вас не останется даже воспоминаний. Только космическая пыль.

Маркус усмехнулся и сделал шаг в мою сторону.

— Ах, Алиса, — протянул он. — Ты всё ещё веришь в сказки? Твой Владыка мёртв. Я сам видел, как он упал. Видел, как кровь заливала его рубашку. И даже если он выжил, он никогда не найдёт тебя. Артефакт Малека заблокировал Созвучие. Вы теперь чужие друг для друга. Он не знает, где ты, – хмыкнул он и лениво зевнул. – Ты не знаешь где он. Вы не чувствуете друг друга. Между вами — только пустота.

Я стиснула зубы, чтобы не закричать. Я не хотела верить ему.

— Он жив, — прошептала я. — Я знаю это.

— Упрямая, — сказал Маркус, приближаясь ко мне. — Всегда была такой. Но я ведь говорил тебе: упрямство не поможет. Ты всегда была моей. И всегда будешь.

— Поэтому, ты продал меня на невольничьем рынке? Вот так ты меня любил?

— Любовь, — усмехнулся он, — это слабость, Алиса. Я не люблю тебя. Я владею тобой. Есть разница. Когда ты перестала приносить мне пользу, я избавился от тебя. Но теперь ты снова стала ценной. Очень ценной. И я не упущу свой шанс.

Он протянул руку, чтобы коснуться моей щеки, но я оскалилась.

— Сволочь, – процедила я сквозь зубы, вкладывая в слова, всю ярость и ненависть, – ненавижу. Если ты попробуешь коснуться меня, я тебя загрызу.

Его лицо исказилось от гнева, но он быстро взял себя в руки, отступил и снова усмехнулся. Его улыбка была холодной, и я понимала, что он наслаждается моментом. Наслаждается моим страхом. Моим беспомощным положением.

— Не беспокойся, — сказал он, направляясь к выходу. — Скоро ты встретишься с лордом Малеком. Он хочет поговорить с тобой лично. Он очень заинтересован в твоих… талантах. Надеюсь, ты будешь милой девочкой. А пока — отдыхай. Тебе понадобятся силы.

Дверь закрылась за ним с глухим стуком, и я осталась одна в этой холодной, пустой комнате. Я уставилась в потолок и почувствовала, как внутри меня поднимается волна отчаяния. Я сжала кулаки и заставила себя дышать. Я не могу сдаться. Я не имею права сдаться.

Я закрыла глаза и попыталась сосредоточиться на том, чтобы почувствовать Созвучие. Но внутри была только пустота. Тишина, в которой не было Даркэна. Я не знала, жив ли он. Я не чувствовала его. И страх сжимал моё сердце. А еще я боялась, что в один не самый прекрасный момент, я не смогу дышать.

— Прошу, Даркэн, — прошептала я. — Только будь жив, пожалуйста. МЫ с малышом очень ждем тебя. Нам очень нужна твоя помощь.

Внезапно я услышала, как за дверью послышались шаги — тяжёлые, уверенные. Кто-то приближался. Мое сердце забилось быстрее. Я приподнялась на койке и прислушалась.

Дверь открылась, и на пороге появился высокий мужчина в тёмном плаще. Его лицо скрывала тень, но я видела его глаза — холодные, серебряные, как у змеи.

— Лорд Малек, — сказала я, и мой голос дрогнул.

Он вошёл в комнату, и я почувствовала, как воздух вокруг меня стал тяжелее. Я узнала его сразу — те же холодные серебряные глаза, та же бледная кожа, та же скользкая улыбка, от которой у меня внутри всё сжималось. Я видела его тогда и помнила его взгляд, скользнувший по моему животу. Тогда я чувствовала опасность. Теперь я была в его власти.

— Алиииисааа, — прошипел он, и его голос прозвучал как змеиное шипение. — Я так рад, что ты наконец здесь. Мы ведь уже встречались, помнишь? В коридорах дворца твоего Владыки. Тогда ты смотрела на меня с таким презрением. А теперь посмотри на себя. Как быстро всё меняется, не правда ли?

Он улыбнулся, и эта улыбка была похожа на улыбку паука, который смотрит на муху, запутавшуюся в паутине. Он знал, что она никуда не денется. Что она в его власти. И это делало его ещё более опасным.

— Что вам нужно? — спросила я, стараясь, чтобы мой голос не дрожал.

— Мне нужна твоя сила, — сказал он. — Ты потомок древней расы. Твоя кровь может дать мне ключ к управлению Созвучием. С ним я смогу управлять всей галактикой.

— Я обычная землянка, я работала космическим врачом, потом меня продали как рабыню, а Владыка нашел и сделал своей женой. О какой расе вы говорите?

— О какой расе? – засмеялся он и пристально на меня посмотрел. – Конечно же, древней! Неужели ты ничего не знаешь?

Глава 24. Ты в моей власти, Алиса!

Малек засмеялся. Этот смех был тихим, шипящим, и от него у меня по коже побежали мурашки.

— О, дорогая Алиса, — сказал он, приближаясь ко мне. — Ты даже не представляешь, кем ты являешься на самом деле. Твоя мать была одной из последних чистокровных Аэтрионов. Древней расы, которая могла управлять Созвучием, чувствовать энергию жизни, исцелять и разрушать одной лишь силой мысли. Её звали Элара Солар. Она была дочерью великого вождя Аэтрионов, и в её жилах текла чистейшая кровь нашего народа.

Он замолчал на мгновение, а потом продолжил.

— Ты принцесса Элириана. Последняя наследница Аэтрионов.

Я смотрела на него, не веря своим ушам. Моя мать? Я помнила её смутно — тёплую улыбку, мягкие руки, запах сирени, идущий от волос. Она умерла, когда мне было семь лет. И она никогда не говорила мне о какой-то древней расе.

— Она бежала на Землю, когда наши предки начали охоту на её народ, — продолжил Малек. — Она хотела спрятаться. Хотела, чтобы ты жила обычной жизнью, не зная о своём наследии. Она встретила твоего отца, обычного земного врача и полюбила его. Но она понимала, что её прошлое может настигнуть её. И оно… хм…настигло. Твоя мать умерла не от болезни, Алиса. Её убили. Те, кто хотел добраться до тебя.

Я почувствовала, как внутри меня всё оборвалось.

Моя мать… убита? Все эти годы я думала, что она умерла от какой-то неизвестной болезни. Но теперь, когда Малек произнёс эти слова, в моей памяти всплыли странные детали — люди в чёрном, которые приходили в наш дом за несколько дней до её смерти. Её испуганное лицо, когда она запирала двери. И её последние слова: «Беги, Алиса. Беги как можно дольше и не оглядывайся».

Я зажмурилась, прогоняя воспоминания.

— Ты лжёшь, — сказала я, но голос предательски дрогнул.

— Лгу? — он ухмыльнулся. — Тогда почему ты чувствуешь Созвучие с Даркэном? Обычные люди не способны на это. Только потомки Аэтрионов могут создавать такую связь. Созвучие — это не просто связь двух душ. Это энергия, которая течёт в крови твоего народа. Твоя мать передала тебе свой дар, даже не сказав тебе об этом. И теперь этот дар принадлежит мне.

Он подошёл ближе, и я почувствовала его дыхание на своей коже — холодное, липкое, как прикосновение змеи.

— Как только я извлеку твою силу, я смогу управлять Созвучием, — продолжил он. — Я смогу контролировать всех, кто связан этой энергией. Даркэн, его империя, все миры — всё будет принадлежать мне. Ты станешь частью этого плана. Твой ребёнок тоже. Дети с силой Аэтрионов — редчайшее сокровище. Они обладают способностью усиливать Созвучие в сотни, тысячи раз. Твой ребёнок станет моим самым ценным инструментом.

Я прижала руки к животу, чувствуя, как внутри всё леденеет. Я не знала, правда ли это. Но я знала, что не позволю ему причинить вред моему ребёнку. Я чувствовала, как внутри меня поднимается волна ярости — чистой, первобытной, той, что текла в крови моей матери.

— Ты не прикоснёшься к нему, — произнесла я голосом, в котором было столько ярости, что ей можно было убить. — Я превращу тебя в пыль, если ты попытаешься.

— Ты в моей власти, Алиса, — сказал он с ленивой усмешкой. — Ты не можешь убить меня. Ты не можешь сбежать. И никто не придёт за тобой. Даркэн мёртв, а если и жив, он потерял тебя навсегда. Созвучие заблокировано, и он никогда не найдёт тебя. У него просто не получится.

Он повернулся, собираясь уйти, но я остановила его. Я не знала, зачем я это делаю. Но что-то внутри меня подсказывало: это мой единственный шанс.

— А если я сама освобожу Созвучие? — спросила я.

Малек замер и медленно обернулся. В его серебряных глазах мелькнула искра интереса.

— Что ты сказала?

— Ты не единственный, кто знает о моей силе, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал уверенно. — Я чувствую её. Она течёт во мне, как кровь. И я могу научиться управлять ею. Моя мать не зря передала мне свой дар. Она знала, что однажды он пригодится.

Он смотрел на меня, изучая, оценивая, пытаясь прочитать то, что я скрывала. Потом его губы растянулись в холодной улыбке.

— Ты решила запугать меня? — спросил он, коснувшись корявыми пальцами моего подбородка. — Интересно. Очень интересно. Значит, ты не так беспомощна, как кажешься. Может быть, ты даже окажешься полезной.

Я ощутила его прикосновение и мне стало жутко не по себе. Сжав зубы, я собрала всю волю в кулак, но не отстранилась. Я не хотела показывать ему, как мне страшно. Я хотела, чтобы он думал, что я сильнее, чем кажусь. Хотя внутри меня всё дрожало. Я должна была рискнуть. Ради Даркэна. Ради нашего ребенка.

— Тебе придётся отпустить меня, — прошипела я, вздёрнув подбородок. — Иначе я покажу тебе, на что способна. Моя мать не умела защитить себя. Но я — умею. Я научусь. И тогда ты пожалеешь, что связался со мной.

Он тихо рассмеялся, но его смех эхом разнёсся по камере, и от этого звука мне стало не по себе. Он знал, что я почти ничего не умею. Знал, что я блефую. Но в его глазах я видела тень сомнения. И это давало мне крошечную надежду.

— Боюсь, ты переоцениваешь свои способности, девочка, — сказал он, открывая дверь. — Но не волнуйся, мы скоро это проверим. А теперь отдыхай, Алиса.

Дверь закрылась за ним, и я осталась одна в этой холодной, пустой комнате. Я прижала руки к животу, чувствуя, как внутри меня бьётся маленькое сердце. Я закрыла глаза и попыталась сосредоточиться на том, что Малек сказал о моей матери.

Аэтрионы. Древняя раса. Моя мать была одной из них. Её звали Элара Солар. Она бежала на Землю, чтобы спасти меня. Она любила моего отца и она умерла, защищая меня.

Я почувствовала, как внутри меня что-то дрогнуло — тёплое, живое, что пульсировало глубоко в груди. Я не знала, как использовать эту силу. Но сейчас я была готова учиться.

Я вспомнила слова Малека:

«Созвучие — это энергия, которая течёт в крови твоего народа».

Если это правда, значит, я могу не только чувствовать её, но и управлять ею. Я должна освободить Созвучие. Должна найти Даркэна. Должна защитить нашего ребёнка.

Я закрыла глаза и сосредоточилась на том тёплом свете внутри себя.

— Мама, — прошептала я в темноту. — Если ты слышишь меня… помоги мне. Научи меня. Я должна защитить их. Я должна найти способ.

Глава 25. Владыка Даркэн

Я стоял на мостике своего флагмана, чувствуя, как пустота внутри меня разъедает душу. Каждая минута без моей избранной женщины была вечностью. Каждый миг, когда я не чувствовал её дыхания, был пыткой. Созвучие молчало, и это молчание было громче любого крика.

— Владыка, — голос офицера вырвал меня из раздумий. — Мы отследили источник сигнала. Ваша супруга на станции Малека. В системе Умбра.

Я повернулся к нему. Золото в моих глазах разгорелось, и я чувствовал, как воздух вокруг меня становится плотнее от моей ярости.— Веди нас туда, — сказал я, и мой голос был холодным, как лёд. — Мы идём за ней. И мы не остановимся, пока она не будет в безопасности.

Флот двинулся вперёд. Я стоял на мостике, сжимая поручни, и чувствовал, как моя ярость становится всё сильнее.

Все из-за неё. Алиса была единственной, кто мог заполнить эту пустоту внутри меня. И я сделаю всё, чтобы вернуть её домой.

Когда мы вошли в систему Умбра, я увидел станцию Малека.

Она была огромной — тёмной, угловатой, похожей на хищного зверя, затаившегося в космической тьме. Я чувствовал, как внутри меня поднимается волна ненависти. Это место, где держат мою любимую женщину. Где мучают её и нашего ребёнка.

— Открыть огонь по защитным щитам! — хриплым голосом отдал приказ, вглядываясь через защитное стекло в станцию Малека. — Я хочу, чтобы они знали, что мы пришли.

Началась битва.

Корабли Малека пытались защищаться, но они не были готовы к такой ярости. Я стоял на мостике, глядя на взрывы, и чувствовал, как каждый уничтоженный корабль приближает меня к ней.

Вдруг, я ощутил, как Созвучие внутри меня дрогнуло. Слабо, почти незаметно, но я почувствовал это — её отчаяние, её боль, ее страх. Внутри меня закипела ярость, и я повернулся к офицерам.

— Я иду на станцию, — сказал я, надевая боевой костюм. — Вы будете прикрывать меня с воздуха.

— Владыка, это слишком опасно…

— Я сказал, что иду на станцию! — рявкнул я, и мой голос был таким, что никто не посмел возразить. – И это не обсуждается.

Я покинул корабль на космическом шатле и уже через несколько минут стоял на посадочной платформе станции Малека. Воздух здесь был тяжёлым, пахло металлом и страхом. Я сжал меч в руке и двинулся вперёд.

Охранники Малека пытались остановить меня, но они были ничем по сравнению с моей яростью. Я уничтожал их одного за другим, чувствуя, как моя сила растёт с каждым шагом. С каждым ударом, с каждым падением врага я приближался к ней.

Я слышал мою любимую, чувствовал её и понимал, что еще немного и найду ее. Она была очень близко.

Ворвавшись в главный зал станции, я увидел её. Алиса стояла на коленях в центре зала, её руки были связаны, а лицо было бледным. Рядом с ней стоял Малек, и его серебряные глаза светились холодным светом.

— Даркэн, — прошептала она, и её голос был таким слабым, что у меня сжалось сердце.

— Я здесь, — сказал я, делая шаг вперёд. — И я пришёл за тобой.

Малек усмехнулся.

— Владыка Даркэн, — сказал он, и в его голосе звучала насмешка. — Как вовремя. Я как раз готовился начать ритуал. Но раз вы здесь, мы можем устроить небольшое шоу.

— Отпусти её, — сказал я, и мой голос был холодным, как лёд. — И я, возможно, оставлю тебя в живых.

— Ты не понимаешь, Даркэн, — сказал Малек, и в его голосе появилась нотка превосходства. — Ты даже не представляешь, кто она на самом деле. Твоя драгоценная Алиса — не просто землянка. Она — принцесса Элириана. Последняя наследница Аэтрионов. Её кровь — ключ к управлению Созвучием. И её пробудившееся Созвучие с тобой делает вас обоих угрозой для моих планов. Поэтому я решил, что вы должны умереть.

Я сжал меч, но не успел сделать шаг, как Малек активировал артефакт. Чёрная волна ударила в меня, и я почувствовал, как силы вновь покидают меня. Я рухнул на колени, чувствуя, как внутри меня разрастается пустота. Гнев бурлил во мне, но я не мог двинуться. Он меня обездвижил, и теперь я мог лишь беспомощно наблюдать, как Малек подбирается к Алисе.

— Теперь ты моя, — сказал он, протягивая руку к её горлу.

— Нет! — закричала Алиса, и в этот момент я почувствовал, как внутри неё что-то изменилось.

Я увидел, как её глаза засияли золотым светом. Как её тело начало светиться. Как она подняла руки, и чёрная энергия Малека начала рассеиваться, словно дым перед ветром. Я понимал, что это была не сила Созвучия. Это было что-то большее — её истинная сущность, кровь, наследие Аэтрионов. Ее энергия разливалась по залу, разрывая оковы Малека.

— Что ты делаешь? — закричал в панике Малек, отступая. — Этого не может быть!

— Ты недооценил меня, — сказала Алиса, и её голос зазвучал твёрже и увереннее. — Я не просто землянка. Я — дочь Элары Солар, наследница Аэтрионов. И я не позволю тебе причинить вред моей семье.

Она подняла руку, и Малек с грохотом отлетел к стене. Я почувствовал, как её сила проникает в меня, как она снимает блокировку с Созвучия, и я снова ощутил её тепло, жизнь, надежду. Я поднялся, понимая, что ярость наполняет меня новой силой.

— Спасибо, любимая, — прошептал я, делая шаг вперёд. Малек попытался встать, но я был быстрее. Пара резких шагов и я уже схватил его за горло и поднял в воздух.

— Ты думал, что сможешь отнять у меня самое дорогое? — прохрипел я. — Ты ошибся, мерзавец!

Я сжал пальцы на его горле и услышал хруст позвонков. Ярость выплеснулась наружу потоком, которого я не мог сдержать, и я чувствовал, как жизнь уходит из него. И в этом не было ни капли сожаления. Только глухое, первобытное удовлетворение. Справедливость. Он посмел прикоснуться к ней — и заплатил за это.

Отпустив его, я увидел, как он безжизненно рухнул на пол. Повернувшись к Алисе, я заметил, что она покачивается. Я поспешил к ней, крепко обняв её.

— Ты в порядке, любимая?

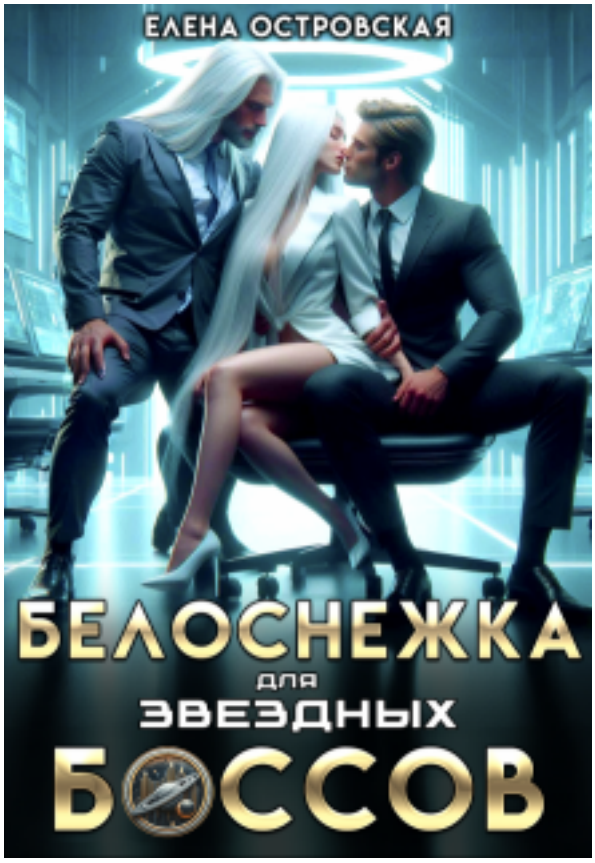
— Да, Владыка, — прошептала она, прижимаясь ко мне. — Теперь, да. Ты пришёл за мной? Я знала, я верила, что ты придешь и спасешь меня.

— Я всегда буду приходить за тобой, — ответил я. — Ты моя жизнь и моя самая большая любовь и драгоценность.

Хорошие мои, пока мы ждем новую проду, предлагаю окунуться в мою книгу, на которую сегодня действует прокатная скидка 50%

Белоснежка для звездных боссов

https://litnet.com/shrt/851r

Я так хочу ребенка! Но диагноз не утешительный - врачи на Земле не могут мне помочь.

Поэтому я подписала контракт с межгалактической корпорацией.

С них - дорогостоящее лечение.

С меня переезд на планету Астерию, отработка десяти лет в корпорации и собственно моя мечта - рождение ребенка!

Казалось бы, отличный план.

Только вот мои боссы, на которых по контракту я должна работать, оказывается, недолюбливают землянок. Точнее раньше недолюбливали. Теперь они с меня взгляд не сводят... Сразу двое! Ну и скажите, пожалуйста, как в таких условиях работать?

Глава 26. Цена силы

Она улыбнулась, и в её глазах блеснули слёзы. Я видел, как они скатываются по её щекам, и знал, что это слёзы счастья.

— Наш ребёнок, — сказала она, прижимая руку к животу. Её пальцы дрожали. — С ним всё в порядке. Я чувствую его. Он сильный как и ты.

Я опустился на колени перед ней — Владыка Звёздной Империи Астракор, перед своей женщиной. Прижался губами к её животу, чувствуя, как бьётся под тонкой кожей маленькое сердечко. Я чувствовал его — нашу жизнь, наше будущее, нашу надежду.

— Я не позволю никому причинить тебе боль, — прошептал я. — Никогда. Клянусь тебе.

В этот момент я услышал, как зал наполнился звуком шагов. Мы повернулись и увидели, как в двери входит отряд солдат в чёрной форме. Их глаза светились безжизненным красным светом. Я сразу понял: это не обычные солдаты. Это были генетически модифицированные воины Малека — его личная гвардия, выведенные для одной цели: убивать без колебаний. Они всё ещё были здесь. Малек подготовился к нашему приходу. Эта битва была не последней. Я вдруг почувствовал, как внутри меня поднимается волна ярости и ее уже не остановить.

— Даркэн, — прошептала Алиса испуганным голосом, прижимаясь ко мне. — Их слишком много. Мы… умрем?

— Я защищу тебя, — сказал я, выхватывая меч. Его рукоять привычно легла в ладонь, и я почувствовал, как сталь отзывается на мой гнев. — Я обещал… до последней капли крови.

… и началась битва.

Я сражался с воинами Малека, чувствуя, как моя ярость становится всё сильнее. Каждый удар меча, каждый взмах — я вкладывал в них всю свою любовь, всю свою ненависть, всю свою боль. Я сражался за свою избранную, за нашего ребёнка, за наше будущее. Я сражался, зная, что если я проиграю, она останется одна в этом аду. И я не мог этого допустить.

Но их было слишком много.

Я уничтожал их одного за другим, но они продолжали прибывать. Они выходили из теней, падали с потолка, вырывались из боковых проходов. И я чувствовал, как силы покидают меня. Мои руки тяжелели, дыхание сбивалось, и я знал: если так продолжится, я не смогу защитить её.

С каждым ударом, с каждым падением врага я приближался к ней, но их становилось всё больше. Я чувствовал, как внутри меня закипает ярость, и я начал использовать Созвучие как оружие. Направил свою волю на солдат, и они замерли на мгновение, их глаза потускнели. Я приказал им падать, и они падали, словно марионетки с перерезанными нитями. Я чувствовал, как моя сила проникает в их сознание, подавляя их волю. Но их было слишком много, и я чувствовал, как моя энергия иссякает.

Вдруг я почувствовал, как Алиса схватила меня за руку. Её пальцы впились в мой рукав, и я остановился, повернувшись к ней.

— Даркэн, — сказала она, и её голос звучал твёрдо. — Остановись… пожалуйста. Отдай мне свой меч.

— Что? — я повернулся к ней, не веря своим ушам. Я смотрел на неё, и в её глазах я видел ту же решимость, что чувствовал в себе. Она не боялась. Кажется, она была готова сражаться и умереть за нас.

— Отдай мне меч, — повторила она. — Я знаю, что делать.

— Ты не должна… — начал я, но она перебила меня.

— Даркэн, — сказала она, и её голос был твёрдым. — Я наследница Аэтрионов. И я могу использовать это против них.

Я колебался лишь мгновение. В моей голове пронеслись образы: её руки, дрожащие в моих ладонях; её глаза, полные страха; её тело, слабеющее от перенапряжения. Но я знал: она права. Это её битва и её наследие. Я смотрел в её глаза и видел в них ту же решимость, что чувствовал в себе. Она была сильной — сильнее, чем думала. И я должен был позволить ей быть сильной. И тогда я передал ей свой меч.

Она взяла его, и я почувствовал, как вокруг неё начала собираться энергия. Воздух стал плотнее, тяжелее, и я слышал, как он гудит от напряжения. Её глаза засияли золотом — тем же светом, что и мои, но ярче, чище. Она подняла меч и направила его на солдат.

— Меня зовут принцесса Элириана. Я последняя наследница Аэтрионов. И я приказываю вам убраться отсюда, добровольно! — крикнула она, и её голос был подобен грому, который прежде я не слышал. — Или вы умрёте.

Солдаты замерли. Они смотрели на неё, и я видел, как страх появляется в их глазах. Но они не отступали. Они бросились на нас, и мы сражались плечом к плечу.

Я использовал свою силу, чтобы подавлять их волю, чтобы ослаблять их защиту, а она уничтожала их с невероятной лёгкостью.

Её движения были точными, быстрыми, смертоносными — словно сила крови сама вела её за руку. Я стоял рядом, сражаясь с теми, кто пытался обойти её, прикрывая её спину, чувствуя, как гордость наполняет мою душу.

Она была моей женщиной. Моей женой. Моей жизнью. Она была той, за кого я отдал бы всё.

Когда последний солдат пал, она опустила меч. Её дыхание было тяжёлым, но она стояла уверенно. Её плечи расправились, и я видел, как в её глазах горит огонь победы.

— Я сделала это. Я действительно сделала это.

Я подошёл к ней и прижав к себе, понял, что больше никогда не отпущу ее.

— Ты не представляешь, как я горжусь тобой. Ты была великолепна.

Она улыбнулась, но её улыбка была слабой. Слишком слабой. Я заметил, как её тело начало дрожать, как она начала оседать на пол. Её ноги подкосились, и я успел подхватить её до того, как она упала.

— Алиса! — закричал я, подхватывая её на руки. — Что с тобой?

— Я… я не знаю, — прошептала она, и её голос был едва слышен. — Это была не я… сила… она забрала у меня что-то… мой ребёнок…

Она прижала руки к животу, и я почувствовал, как дрожь пробегает по её телу. Я понял, что использование силы Аэтрионов истощило её. Сила была слишком мощной для её тела — она сожгла её изнутри, вытянула последние силы, которые она берегла для нашего ребёнка. Ей пришлось заплатить слишком высокую цену.

Я подхватил её на руки и понёс к выходу.

— Держись, любимая, — сказал я, чувствуя, как моё сердце разрывается от боли. — Я отвезу тебя домой. Всё будет хорошо. Я обещаю.

Я бежал по коридорам станции, чувствуя, как её дыхание становится слабее, её тело холодеет.

Я чувствовал, как она ускользает от меня — каждая секунда, каждый удар сердца приближали её к пропасти.

И я понимал: я не знаю, что с ней? Я не знаю, смогу ли я спасти её? Я не знаю, выживет ли она? И это был самый страшный момент в моей жизни.

Когда я выбежал на посадочную платформу, я увидел, как наш корабль готовится к взлёту. Я занёс её на борт, и она потеряла сознание у меня на руках. Её тело обмякло, голова запрокинулась, и я почувствовал, как мир рушится вокруг меня.

Она была моей жизнью, моей душой, моим дыханием. И я не знал, смогу ли спасти её.

— Доктора! — закричал я так, что мои лёгкие обожгло, а голосовая связка чуть не порвалась. Вдоль переборок пробежала вибрация, и одна из панелей с грохотом оторвалась от стены. Вспыхнула аварийная сигнализация, заливая каюту красным светом. Я не слышал её — я слышал только, как затихает её сердце.

Глава 27. Цена силы

Я нёс её по коридорам корабля, чувствуя, как её тело становится всё легче, всё холоднее. Каждый шаг давался с трудом — не от усталости, а от страха, который сжимал моё сердце стальными тисками. Я боялся, что если остановлюсь, если замедлюсь хоть на секунду, она уйдёт. Навсегда.

— Держись, любимая, — шептал я, чувствуя, как голос срывается. — Пожалуйста, только держись.

Я вбежал в медицинский отсек, и врачи уже ждали меня. Они видели моё лицо, видели её безжизненное тело в моих руках, и никто не задал ни одного вопроса. Они знали: если она умрёт, я умру следом.

— Положите её сюда, Владыка, — сказал главный врач, указывая на регенерационную капсулу.

Я осторожно опустил её на мягкую поверхность, чувствуя, как мои руки дрожат. Я не хотел отпускать её, но знал, что должен. Должен позволить им спасти её.

— Сделайте всё, — сказал я, и мой голос был низким и хриплым. — Спасите её. Спасите моего ребёнка.

– Мы сделаем все, что в наших руках, Владыка, – испуганным голосом ответил эскулап.

– Нет, вы не поняли. ВЫ должны сделать даже больше. Не дайте ей умереть, иначе я взорву этот корабль вместе с вами и ближайшей планетой. Мне нечего терять, кроме избранной и нашего сына.

Врач кивнул, осознавая возложенную на него ответственность и его бригада начала работать.

Они подключили Алису к аппаратам, ввели через трубки препараты и запустили сканирование. Я стоял рядом, сжимая её холодную руку, и чувствовал, как мир вокруг меня сужается до одной точки — до моей избранной.

— Владыка, — сказал

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.